

Антонина Романова

Десять дней

*Иронический женский
детектив*

Антонина Александровна Романова Девять дней. Иронический женский детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878664

ISBN 9785448508752

Аннотация

Немного иронии, немного мистики и обычный женский взгляд на мир. Иногда и не хочется быть свидетелем чужой жизни и смерти, но судьба не спрашивает.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Кошки	5
Глава 2. Ночь	28
Глава 3. Батюшка	35
Глава 4. Завещание	56
Глава 5. Поминки	71
Глава 6. Влада	92
Глава 7. Анна Ивановна	106
Глава 8. Догадки	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

**Девять дней
Иронический
женский детектив**

**Антонина
Александровна Романова**

© Антонина Александровна Романова, 2017

ISBN 978-5-4485-0875-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1. Кошки

Вымощенная тропинка за тремя точечными девятиэтажками притягивала Полину какой-то непохожестью на остальные пешеходные дорожки. Казалось бы, вот он город, бесконечное количество людей, машин, криков и звуков, а тут, стоит только завернуть за угол, почти тишина и прекрасный вид на озеро. Дневная прогулка с собакой уже прочно вошла в её ритм жизни, а в конце июня она ещё и приносила удовольствие. Последние года три она вообще старалась во всём приносить себе всяческие маленькие радости. Полоса препятствий детства пройдена, сложный маршрут по выращиванию и воспитанию детей закончен, осталась красивая тропинка к небесам, которая давно не пугала.

В далёком и странном детстве цифра пятьдесят казалось ей чем-то таким страшным, примерно, как для некоторых конец света. А теперь даже появился вкус к жизни. Она почувствовала в себе аристократические замашки. То перчатки ажурные покупала, то пальто с пелериной и непременно шляпку. Муж не возражал, Бог наградил его истинно мужскими качествами. Он понимал, что женщинам, как, к примеру, автомобилям, требуется ремонт, отдых и вложение де-

нег, чтобы замедлить старение. Деньги он регулярно, раз в неделю, подкладывал в шкафчик, стоящий в коридоре их квартиры.

И, заглядывая в зеркало перед выходом из дома, Полина отсчитывала нужную сумму. Аккуратно складывала деньги в кошелёк и отправлялась за покупками. Дети звонили часто, жаловались на жизнь. Но Поля научилась не брать их нытьё близко к сердцу, размышляя, что их марафон ещё только начинается, пусть бегут, лишь бы были живы и здоровы.

– Редлик, ты чего застрял? Пошли уже, не вздумай есть всякую гадость, – чуть строго, но спокойно, окликнула пуделя хозяйка, легко дёрнув за поводок. Но пёс и не думал шевелиться. Стоял как вкопанный.

– Опять боишься? Никого же нет, дяденька слишком далеко, чтобы тебя обидеть. Пошли...

Она повернулась и испуганно вскрикнула: – О Господи!
По краям тропинки сидели три кота и в упор, не отворачиваясь, презрительно смотрели на собаку. Редли был из той породы пуделей, которая отличалась особой добротой и невероятной трусостью. А, впрочем, кто знает этих животных, у них свои правила общения. А так как кошки, несомненно, умней собак, то они чувствовали спинным мозгом, что этого пса можно не опасаться, а даже наоборот, пугнуть

немного. Поля тоже испугалась. Она сама давно не любила большое скопление людей, а уж скопление кошек наводило на неё необъяснимый ужас.

Женщина, взяв пуделя на руки, медленно двигалась по тропинке, стараясь не глядеть в кошачьи глаза, тем более, что кошек в траве оказалось не три, а все шесть. Сразу вспомнила, что у сестры вчера умер на даче кот, о чём она сообщила по телефону. Полина чуть ускорила шаг, и почти выбежала из-за угла дома прямо на детскую площадку.

«Наваждение или предупреждение? Нужно съездить к сестре, просто так ничего не бывает» – решила она.

Да, Полина Алексеевна, как и все женщины её возраста, верила в приметы, знаки свыше и прошлую жизнь. Она почитывала книги по эзотерике, каббале, астрологии и древним мифам. Загадочное и непонятное начало притягивать её, как только испарилось желание притворяться молодой. Мужчины уже почти не волновали её тело, но мозг волновали очень. Из-за этого желания что-то понять, она читала много книг, написанных мужской рукой, надеясь зарядиться их энергией и найти ответы на свои вопросы о бессмертии души. Но мужчины, как выяснилось, и сами ничего внятного сказать об этом не могли, а простая болтовня с подругами приносила массу удовольствий и хорошее настроение.

Вечером, накормив и напоив родного мужа, она спокойно сказала:

– Петюнчик, я уеду к сестре на недельку, что-то на душе неспокойно.

– Хорошо, поезжай, какие проблемы, – только и ответил Пётр, насыпая в горячий чай ложечку сахара. Полина поцеловала его в седую макушку и пошла собирать вещи.

Ехать предстояло пять часов, но Полину это не пугало. Купив на следующее утро подарки сестре и племяннику, она решила ничего не покупать зятю Коле. «Обойдётся, не заслужил». Полина удобно устроилась на сидении большого междугородного автобуса, достала книгу, надела очки и задумалась.

«Когда уходят родители, то близкие по крови родственники становятся ещё ближе? Нет, не у всех так получается. А вот мне повезло, сестра теперь и подруга, и любимая собеседница, и безусловно – советчица. Разница всего на год, почти двойняшки».

Она понимала, что, несмотря на непохожесть их судеб, ближе человека у неё не было. Смущало, правда, то обстоятельство, что на сестру постоянно обрушивались всякие несчастья, а Поля выходила сухой из воды.

«Почему? Все прочитанные теории не дали ответов, кроме астрологии. Видимо, час и день рождения сестры Тани не были такими удачными, как у меня. Бедняга чуть не умерла в тридцать восемь, племянника Мишу избили почти до смерти, родители переехали именно к ней, забрав много сил и нервов со своими сложными отношениями, а теперь ещё муж на старости лет вздумал загулять. И за что ей всё это? Карма?»»

Закрыв глаза, Поля представила Татьяну. Убеждённая православная, она носила только юбки ниже колен, часто надевала платок на голову.

Но, самое удивительное, при всех своих неприятностях и соблюдении религиозных традиций, Таня была весёлой, шумной, неугомонной и чуть-чуть властной. Во всяком случае Поля слушалась её почти всегда, вернее, старалась не спорить.

«Разве поспоришь с тем, кто так убеждён, может и в лоб дать, если что. Спорить с ними можно только в те периоды, когда они и сами этого хотят. Убеждённые люди как дети, которые не могут жить без конфет, дающих им ощущение счастья».

Автобус мягко остановился возле небольшого автовокзала города Шаринска. Население его составляло пятьдесят тысяч человек, не желающих считать себя провинциала-

ми, хотя таковыми они являлись, бесспорно. Поля сразу увидела сестру, машущую ей рукой. Улыбнувшись, она поднялась со своего сидения.

– Привет, как доехала?

– Нормально.

– Пошли, накормлю тебя и уйду ненадолго.

– Куда? А что я буду одна делать?

– Ну, хочешь, пойдём со мной. Мне квартиру одну нужно помыть. Бабушка умерла семь дней назад, отец Александр попросил помыть и приготовить поминки на девять дней. Потом беженцы заселятся, квартиру она храму завещала. Денег на поминки мне выдали, целых три тысячи.

– Начинается! Ты веселей ничего не нашла? Она прямо в квартире умерла?

– Да.

– Замечательно! А далеко?

– Нет, две остановки на автобусе.

Поля с наслаждением уплетала солянку, закусывая свежим огурчиком. Она обожала всё, что сестра готовит, особенно выпечку, до которой она и собиралась добраться после супа.

– Да звонят, и я им названиваю каждый день. Как всегда, на жизнь жалуются, денег им не хватает. А кто эта умершая?

– Одинокая совсем. Никого нет. Года три в храм ходила, все проповеди выстаивала. Одевалась бедно, так мы ей вещи приносили и еду тоже.

– Ты и к ней ходила? А не скучно тебе с бабулями?

– Нет, домой она не звала. Один раз попыталась ей помочь донести одежду, так она даже немного рассердилась. Я раньше её глаз-то не видела, вечно завяжет платочек до самых глаз, а тут сверкнула с такой злостью и даже страхом.

Приходила и уходила незаметно как-то. У нас бабулечки весёлые, в основном. И песни поют, и анекдоты рассказывают. Некоторые шустрые, позавидуешь. Наелась? Тогда пошли, до вечера надо успеть прибраться.

Полина и Таня быстрым шагом добрались до автобусной остановки. Ждали недолго. Стройная Поля, в летних брюках и с голубой сумочкой в руках, зашла первой, а старшая сест-

ра Татьяна следом за ней. Хотя её ноги были чуть полней, чем бы ей хотелось, но она неизменно носила туфли на каблуках. Из женских излишеств Таня любила только туфли и хорошие духи.

Под излишним слоем косметики, возраст, встретившей их кондукторши, определить было трудно. Посмотрев на новых пассажиров пустым взглядом, она молча сунула билеты в руку Тани и отвернулась. Новый пассажир привлёк её внимание, как кролик удава.

– Мужчина, купите билет собаке!

– Зачем, она же у меня на руках?

– Так положено!

– Ну, давайте билет, только тогда она сядет на своё место, – злился мужчина.

Он посадил собачонку на сидение, но она, то ли со страху, то ли из вредности, не садилась, а стояла на всех четырёх трясущихся лапах.

– Пусть сядет, – не переставала командовать кондукторша.

– Женщина, вам заняться нечем? Её место, что хочет, то

и делает!

– Не положено стоять, нужно сидеть! – упорствовала хозяйка салона автобуса.

Поля смеялась со всеми пассажирами автобуса, но вдруг заметила, что Татьяна даже не улыбается. Автобус уже остановился на нужной им остановке, но собака так и не собиралась присаживаться.

Выйдя из автобуса, младшая сестра не могла сдержать смех.

– Полный идиотизм! До чего же мы любим издеваться друг над другом.

– Дура! – вдруг резко проговорила Таня.

– Ты чего? Ну, дура, конечно. Кондукторши – это особая порода людей, в прошлой жизни они все были богаты и жадны.

– Вот и я говорю, что особый. Мой связался с такой, теперь ни мне, ни ему покоя нет. Нашел себе под стать. Ладно бы приличная женщина, так нет, кондукторша. Молодая – вот и все достоинства.

– Ты опять про возраст. Мы не старые, мы в самом начале конца! Интересно, вначале всё интересно, даже сравнивать себя с другими, которые уже в конце. У тебя, зато, какие эмоции!

Татьяна помолчала ещё минутку, на ходу зацепилась сумкой за коробку, лежащую на краю дороги, и разразилась громким смехом.

– Бедная собака, что она думает о нас, людях. Вот он, наш дом.

Старенькая пятиэтажка встретила их весёлым шумом детских голосов и неприглядной картиной помойных бачков. Лавочка у поезда была пуста, видимо все бабушки уже ушли на ужин.

– Подожди, сейчас ключи найду. Вечно в этой сумке бардак, – ворчала Таня, стоя перед железной дверью квартиры под номером тридцать шесть.

– А кто тебе ключи дал?

– Батюшка. Старушка померла одна, соседская девочка в храм прибежала. Кот в квартире орал сильно. Она в дверь стучалась, стучалась, а никто не открывает. Батюшка полицию вызвал, открыли, нашли её на кровати, одетую.

Видать прилегла и скончалась.

– Так, а мы эту кровать убирать будем?

– Боишься? Я сама уберу, а ты кухню помоешь.

Светлый и прохладный подъезд сменился полной темной незнакомой квартиры. Полина продолжала разговаривать, чтобы не выдать сестре своего страха.

– А почему в храм?

– Куда ещё, если родни нет? Батюшка и распорядился похоронить, раз его прихожанка. Пока разберутся с документами, беженцы поживут.

– И хорошо, а то заберёт государство, продаст кому-нибудь и прощай. Завещание было настоящее?

– Вроде, да. Лично я бы всех заставила писать завещания, чтобы потом наследники не ругались.

– Как-то не хочется, примета плохая.

– Сейчас мы посмотрим, как бабуля наша жила.

В тесный коридор квартиры не попадал солнечный свет из окон, поэтому сестрам пришлось долго искать выключатель. Когда всё же его нашли, то лампочка осветила только гвоздик в стене, на котором висело старое пальто.

– Бог мой, это пальто нашей мамы, я ей его отдала, – Таня быстро перекрестилась.

Глаза Полины округлились, она не могла отвести взгляд от знакомого пальто, изнемогая от ужаса. На полу стояли две пары стоптанных тапочек. Полина очнулась и вдруг поняла, что не ощущает никакого запаха старости и лекарств, так характерный для квартир старых людей.

– Пахнет нормально.

– Да, сама удивляюсь. Сколько к бабушкам хожу, больше всего не люблю этот запах старости.

Окна в единственной комнате были завешаны тёмными шторами, но свет из коридора давал возможность увидеть старый стул и тумбочку со стоящим на ней телевизором.

– Да, телевизор времён молодости наших родителей. Иди на кухню, время терять неохота.

Полина Алексеевна брезгливо дотронулась до кухонной двери и громко заорала, отпрыгивая назад.

– Мяу, – услышала она, как только чуть приоткрыла дверь.

– Ты чего так орёшь?! Это кот её, наверное. Не худой, я смотрю, даже толстый. Форточка открыта, на улице, наверное, кормится.

– Тань, у меня сердце прихватило. Лучше бы я с тобой не ходила. Куда теперь этого кота? Себе возьмёшь?

– Можно и взять на дачу. Только я там теперь не бываю. Как поймала своего с этой кондукторшей, так и не хожу, противно. Сын тоже там живёт, а я одна в квартире, наслаждаюсь жизнью. Мне и одной хорошо! Что тут у нас? Да, посуды почти нет, нужно одноразовую купить на поминки. Помоешь пол, подоконник протри и всё. И ненужное выкидывай. Батюшка просил всё выкинуть. Новые жильцы сами купят, что им понадобится.

– Тань, а зачем девять дней отмечают?

– Надо, на суд Божий Душа отправляется, нужно поддержать с земли. Молитвы и добрые слова им в плюс будут, когда степень наказания определится.

– Там учитываются добрые слова?

– А как ты думала, конечно, учитываются.

– И ты точно это знаешь?

– Верю, мой давай. Уже вечер, не до ночи же здесь сидеть.

Поля нашла под раковиной пустое и почти чистое ведро и тряпку. Сходила в ванну и налила воды. Ощущение животного ужаса не покидало её. Она старалась даже не смотреть на кровать в углу комнаты, успела заметить только старый лакированный шкаф и стол, возле которого стоял ещё один стул.

«Как же бедно живут наши старушки. Что за жизнь такая, даже порадоваться нечему. Целое поколение несчастных, бедных, никому не нужных людей. Кошмар...». Но додумать она не успела. Возглас сестры добил её окончательно.

– Господи Иисусе! Мама дорогая! Вот это да!

Полина сбила ведро с водой и всё содержимое растеклось на пол кухни. Боясь пошевелинуться, Поля только беззвучно наблюдала, как кот недовольно поднимал лапы, опасаясь их

намочить.

– Поля, иди сюда!

– Я боюсь!

– Теперь боюсь и я, но всё равно иди.

– Нет, иди сама ко мне.

– Я не встану!

Полина стараясь перешагнуть через лужу на полу, всё же поскользнулась и, пытаясь удержать равновесие, влетела в комнату. Сбив кота, она со всего маха упала на сестру, которая сидела на злополучной кровати. Животное громко мяукнуло и отлетело под стол. Когда Поля поднялась, то увидела в руках Тани красный потёртый пакет. На полу валялась груда старой одежды, ещё несколько пакетов и пожелтевшие газеты.

– Посмотри, – выдавила из себя Таня.

– Не пугай, скажи, что там?

Татьяна поднялась и вытряхнула из красного пакета на го-

лубое покрывало его содержимое. На кровати лежали стопки денежных купюр, перевязанные атласными ленточками.

– Ни фиги себе, бабуля! – вырвалось у Полины Алексеевны. – Где ты это нашла?

– Подожди, дай мне успокоиться. Садись, нужно посчитать.

– Ну, уж нет, я к этой кровати, ни за какие деньги, не подойду. Считаю сама. Что ты вообще делать с ними собираешься?

– Отнесу батюшке. Нет, надо же. Я начала уже всё в узел завязывать, чтобы на помойку выбросить. Во всех пакетах старые газеты, им лет двадцать, не меньше. Вещи все эти мы ей в храме собирали, чтобы бабушку одеть. Случайно как-то газета выпала, а потом и пачка денег. Смотри сколько, даже доллары есть.

– Сказала – не буду смотреть, значит, не буду.

Татьяна начала собирать деньги назад в пакет. Сверху накрыла газетами, выпавшими вместе с пачками.

– Дома посчитаем, сейчас нужно уборку закончить. Ты там помыла?

– Вот я тебе всегда удивляюсь. У меня руки, ноги трясутся, а ты про уборку. Как я теперь мыть буду, а? А вдруг кто-то про них знает и сейчас зайдёт?

Звонок телефона прервал беседу. Полина вздрогнула, но мелодия звонка была слишком знакомой. Сумка лежала в кухне, поэтому пришлось наступить прямо в воду на полу. Она знала, кто звонит.

– Да, доча, я слушаю. Всё нормально. Я у тёти Тани. Что делаем? Уже ничего, думаем. Да так, о жизни. Не волнуйся, я тебе попозже перезвоню. А что у меня с голосом? Нормальный голос. Напуганный? Нет, тебе кажется. Пока, целую.

Пока Полина разговаривала, Таня уже собрала с пола всё, что вытащила из шкафа, завязала в три узла и положила красный пакет сверху.

– Заканчивай, уже почти темно.

– Может Коле позвонить, пусть за нами приедет.

– Сейчас, пусть сидит на своей даче. Ему про деньги вообще нельзя заикаться, он к ним ещё более равнодушен, чем к женщинам.

Напуганные сёстры закончили уборку за час. Не найдя больше ничего интересного, они удивились, что старушка не хранила ни одной фотографии.

– Тем лучше, – подвела итог всем событиям Поля, – новым жильцам ничего и не надо, тем более всё такое старое. Хотя и странно, умер человек и что после себя оставил? Детей нет, друзей тоже нет, даже фоток нет, только пакет с деньгами. И кому они принадлежат? В полицию теперь и то не позвонишь, отпечатки на деньгах твои, Таня.

Настало время испугаться Татьяне.

– Вот я дура, зачем я их трогала? Ты почему мне раньше не сказала?

– Как-будто я что-то понимала. Я в квартире, где кто-то умер, вообще боюсь находиться.

Шорох под кроватью заставил вздрогнуть обеих сестёр. Поля схватила Татьяну за руку и не собиралась её отпускать.

– Кот! И как его теперь оттуда доставать?

– Я не полезу, уже ночь, а ночью все черти просыпаются, – взмолилась Полина. – Пусть теперь там и сидит. Завтра при-

несём ему еды.

– Нам ещё вещи выносить, забыла?

Решили, что узлы выбросят завтра, а с собой возьмут только пакет с деньгами и кота.

Полина никак не могла решить, что ей страшнее нести. Согласилась на кота. Как можно ласковой повторяя – кис, кис, Таня пыталась выманить животное из-под кровати. Но он не сдавался. Ухватив несчастного за переднюю лапу, она вытянула его на свет. Тот царапался, но против уверенной в себе женщины и кот бессилён.

Вышли в подъезд. Полине, всё же, пришлось нести пакет. Кот, затаив обиду на Полину, не соглашался идти к ней на руки и вцепился в Татьяну намертво.

– Теперь и мои отпечатки на пакете появились. Я повязана!

– Не трусь, батюшка всё разрешит.

– В смысле деньги заберёт и раздаст нищим?

– Не язви, ему и не такие подношения приносят. На содержания храма знаешь сколько надо?

– Да я не против, просто так спросила. Кто-то поднимается, про деньги молчим.

Таня развернулась навстречу поднимающейся по ступеням девочки и нарочито громко сказала: – Да, хорошая была бабушка, богобоязненная.

Девочке на вид можно было дать лет пятнадцать. Худенькая, как все подростки, которые за одно лето вырастают как молодые деревья, только вверх.

– Девушка, извините. Это не вы Клавдию Митрофановну нашли?

Полина с удивлением уставилась на сестру, до сих пор не называвшую умершую по имени.

– Да, но я не находила, только кошка сильно кричала. А вы кто ей? – почти безразлично спросила девушка.

– Я никто, но мне поручили организовать поминки на девять дней. Приходите послезавтра в 12.00. А вы её хорошо знали?

– Плохо. Она домой к себе не пускала. Мама иногда заставляла её еду относить, когда выбрасывать жалко. Так она только перед дверью брала, но не пускала. Грязно у меня,

говорила.

– Ничего там не грязно, – вклинилась в разговор Полина, – Вот бедно, это точно. А вы сильно напугались, когда узнали, что она умерла?

Девочка удивлённо посмотрела на спрашивающую женщину и промолчала. Пауза затягивалась.

– Полина, что это к девочке со своими страхами привязалась. Пора нам, вот мусор в пакете выбросить хотим, да кота накормить.

– Это кошка.

– Что?

– Это кошка Фрося, она не бабушкина, она из соседнего подъезда, Савушкиных.

Татьяна ухмыльнулась, поглаживая кошку по голове.

– Девушка, отнесите, пожалуйста, кошку домой, а то мы торопимся. Вот спасибо, мы побежали.

Слово побежали, не очень-то подходило к ситуации. Тем более по ступенькам. Не все площадки были освещены, да

и пакет оказался не таким уж и лёгким.

«Тяжелый груз – эти деньги. Несёшь, несёшь его по жизни, а кроме страха и усталости ничего не испытываешь», – думала Поля, пока они спускались с третьего этажа.

Вечер был тёплый, звёздное небо будто улыбалась двум странницам, бредущим по ночным улицам.

– На, носи их. Я устала, полдня ехала, потом такие страхи, сил больше нет. Я надеялась отдохнуть, поболтать, а тут такое.

На полупустом автобусе сёстры решили не ехать. Люди разные, лучше не рисковать и на глаза никому не попадаться. Пройти две остановки по краю освещённой улицы в другой ситуации им было бы в удовольствие. Но сегодня эмоции одолевали не радостные, приходилось оглядываться и прятаться от встречных прохожих.

– Давай нести вместе, тяжело что-то, – попросила Таня.

– Давай, теперь уж всё равно.

– Поля, а представляешь, как бы мы с тобой погулять на эти деньги? Куда бы ты поехала в первую очередь?

– Я? В Сингапур, наверное. Там, говорят, очень хорошо. Хотя и в Европу хочется. Да ну тебя.

Они старались смеяться тихо, но ночное небо так хорошо

отражает любой звук, особенно смех.

Добравшись до Таниной квартиры, они не выдержали и пересчитали деньги. Их оказалось полтора миллиона рублями, и около десяти тысячи долларами. Таня завернула их в те же старые газеты, положила в красный пакет и поставила в кладовку.

– Всё, я сплю, утром рано пойдём в храм и отдадим деньги батюшке...

Глава 2. Ночь

Открыв настежь дверь в ванной комнате, Полина принимала душ, но перед этим попросила сестру не засыпать.

– Я обязательно тебя подожду, не волнуйся, – пообещала Таня.

Завернувшись в тёплый халат, Поля легла рядом с безмятежно спящей Татьяной.

«Как в детстве, ничто её не берёт. Спит себе, а я теперь вряд ли быстро успокоюсь. Зачем такие деньги хранить? Может она квартиру продала и не успела уехать? Как это старушка такие деньги накопила, детей, вроде, нет? Если бы я столько денег имела, то тратила бы их направо и налево. Завтра ведь не бывает, только сегодня. В квартире полная нищета, могла бы машинку стиральную купить, новый холодильник, телевизор. Старушек собирала бы, и чай пила с конфетами».

Незаметно сон, всё же, сморил женщину, правда, ненадолго. Ей приснились кошки, много кошек. Одна из них легла ей на шею, и Полина начало казаться, что она задыхается.

Резко проснувшись, гостя машинально смахнула с себя

рукой невидимую кошку. Встала, прошла на кухню. Сестра жила в большом многоэтажном доме, но на первом этаже. Руки дрожали, к тому же было очень душно. Она открыла окно, и свежий ночной воздух помог ей успокоиться. Усыпанное звёздами небо подмигивало Полине, а может это падали звёзды, они часто падают в середине лета. Почему-то она нигде не увидела луны.

«Куда она подевалась? Спряталась? Сколько загадок хранит это небо! Да что небо, на земле ничего не понятно».

Тишина ночи прерывалась звуками музыки, доносящейся издалека.

«Молодые гуляют, и правильно. Зачем дома сидеть, если самое время влюбляться. Вот я бы не сидела... – успела подумать Полина, но её мысли прервал страх, вновь быстро завладевший ею».

– Господи, Боже мой! – вырвалось у неё.

Поля быстро захлопнула окно и повернула ручку на пластиковой раме. Задёрнув штору, она наблюдала за тёмным силуэтом, появившимся на углу дома, через узкую щёлку между шторой и стеной кухни.

«Кто ходит в одиночку в четыре утра? Хоть кто, конечно. Кто хочет, тот и ходит. И чего я так пугаюсь? Спать нужно,

а не придумывать себе убийц. Таня завтра поднимет часов в восемь».

Поля отошла от окна, легла и опять задумалась.

«Страшно это – большие деньги. Вроде бы хочется их, а вот лежат сейчас в кладовушке и от них идёт какое-то зло, даже непонятно почему, метафизика. Интересно, а если бы они заработанные были? Энергетика денег зависит от того, как их заработал?»

Нагруженная всеми прочитанными книгами и теориями, Полина ещё долго не могла уснуть, пока мысли её не переплелись со сновидениями, и она перестала ощущать своё тело.

– Вставай! Скоро служба закончится!

Таня кричала из кухни, но её голос долетал до спальни, без всяких преград. Хозяйка гремела посудой, явно накрывая стол для завтрака.

– Слышишь меня? Вставай, уже девять. Сейчас чаю попьём и пойдём.

– Я не сплю уже, почти встала!

– Знаю я тебя, сейчас снова уснёшь, нужно деньги нести,

а то как-то погано на душе.

Полина умылась и села за стол.

– О, ты уже блинов напекла.

– Да, чего тут печь. Завела много, на поминки тоже надо. Тебе кофе или чай!

Чуть не поперхнувшись от блинчиков для поминок, Поля сразу потеряла аппетит.

– Лучше чай, зелёный. А в чём в храм пойти? У меня только сарафан и шорты, на пляж собиралась.

– Надевай сарафан, но там ещё прохладно.

– Пиджак надену, он по цвету подойдёт.

– Какой тут цвет, пошли уже.

– А накраситься? Что я с таким лицом на люди выйду?

– Пять минут даю, я пока деньги в сумку переложу.

Устроившись на пуфике возле зеркала, Полина достала тушь и помаду. Подкрашивая губы, она посматривала, как

сестра выбирает ей платочек. Сама она уже облачилась в серую юбку и достаточно открытую чёрную кофточку, хотя и с длинными рукавами.

– Вот этот возьми, сиреневый. Возле храма наденешь.

– А вырез на твоей кофточке не сильно-то скромный.

– Некогда об этом думать. Платок большой завяжу, и всё будет прилично. Что под руку попало, то и надела. Накрасилась?

– Почти.

Татьяна, мельком взглянув на себя в зеркало, пошла в кладовку. Но очень быстро вернулась и уставилась на сестру странным взглядом.

– Поль, а пакета там нет.

– Как нет, а где он?

– Дурацкий вопрос. Если бы я знала где, я бы не говорила.

Полина выронила тушь, сердце кольнуло, предвещая что-то нехорошее. Она прошла мимо сестры и заглянула в кладовку. На полу в кладовке стояла только зелёная эмалированная кастрюля и несколько пустых трёхлитровых банок.

На кастрюле сверху валялись старые рабочие куртки Таниного мужа Николая. На крючках, прибитых к стене, висели два пальто. Больше не было ничего.

– Во вляпались мы, Полина, – сзади, заглядывая через плечо, прошептала сестра.

– Но кто мог взять? Дверь закрыта на замок, окна тоже. Ты сама не убирала в другое место?

– Какое место, я спала как убитая. Подожди, я сыну позвоню.

Поля наблюдала, как Таня, по свойственной ей привычке, опять забыла где её сотовый телефон. Он оказался в ванной. Она набирала номер сына, а на лице её можно было прочесть надежду и тревогу одновременно.

– Мишенька, здравствуй сынок. Спишь, ну извини, не ругайся. Ты вчера ночью в квартиру не заходил, случайно? Нет? В семь утра пришел на дачу? А отец? Уехал на работу, а во сколько? До твоего прихода. Ладно, спи. Ничего не случилось, тётя Поля приехала, мы в храм собираемся. Всё, не ори! Куда хочу, туда и хожу, не твоё дело!

Таня резко нажала на кнопку телефона,

– Тоже мне, умник. Зачем я тебя в храм тащу, что там делать. Лучше бы работу нормальную нашел, тридцатник скоро. Пошли, батюшке всё расскажем, пусть он и судит.

В Шаринске, как и любом провинциальном городе, храм был самым красивым и ухоженным зданием. Золотые купола сияли под восходящим солнцем, навевая покой и уверенность в счастье на земле. Чем ближе сёстры подходили к храму, тем медленнее они шли. Старушки, женщины, дети, даже несколько мужчин умиротворённо поглядывали на Таню с Полиной, пребывая ещё в том неземном состоянии, которое бывает только после прослушивания церковного пения и проповедей. А вот сестрам идти к батюшке и рассказывать про потерянные деньги не очень-то хотелось. Хотя в полицию хотелось ещё меньше. Лучше уж батюшке, чем в полицию.

Глава 3. Батюшка

Когда две женщины, столь разные по виду, но с одинаковым выражением лица, появились в храме, то батюшка сам направился к ним навстречу.

– Татьяна, здравствуйте! На службе не были, проспали? Мне пора уходить.

– Отец Александр, простите. У нас к вам разговор есть, важный очень. Да, это моя сестра Полина. И лучше бы с глазу на глаз.

«Сколько ему? Тридцать с хвостиком? Красавец! Глаза голубые, добрые» – думала Поля, пока сестра разговаривала с батюшкой.

– Пойдемте, но пять минут, не больше. Прибрали квартиру Клавдии Митрофановны? Всё выбросили, или что-то новым жильцам оставили?

– Осталось, батюшка, стол да два стула. А вот кое-что пропало, – как можно вкрадчивей объявила Таня, как только они вошли в небольшую комнату, увешанную иконами. На столе стоял ноутбук, а рядом с ним лежал новенький со-

товый телефон.

– Вы загадками не говорите, Татьяна. У меня времени в обрез.

Рассказывая события прошедшего дня, Таня размахивала руками и громко восклицала. Поля, тем временем, любовалась лицом и высокой, ладной фигурой Отца Александра. Правда лицо его, на протяжении всего рассказа, оставалось спокойным и невозмутимым. Но, как только Таня сообщила о пропаже денег, выражение это стало холодным и подозрительным. Он поднялся и посмотрел прямо в глаза Полине. От этого взгляда Поля готова была провалиться сквозь землю.

– И вы совсем не знаете, где эти деньги?

Полина виновато улыбнулась, переведя взгляд на икону Божьей Матери, давая понять, что врать ей совершенно незачем.

– Неисповедимы пути Господни. Откуда у Клавдии миллионы? И куда они подевались? Загадочка.

– Батюшка, а может в полицию, всё-таки?

– Не надо пока, Татьяна, – резко оборвал Таню Отец Алек-

сандр. – Сразу скандал поднимут, что опять церковь бедных бабушек грабит и себе забирает. Я попробую выяснить, может какие-то родные всё же есть у Клавдии Митрофановны. А вы пока поминки подготовьте.

Говорил он спокойно, но чувствовалось, что он подавляет свои эмоции.

– Батюшка, а где её паспорт и свидетельство о смерти? – осведомилась Татьяна.

– А вам зачем? – чуть громче, чем раньше ответил вопросом на вопрос Отец Александр.

«А и правда, зачем ей паспорт, мало нам неприятностей. Сердится, будто не доверяет Тане», – решила Полина.

– Да так, хоть возраст её узнать. Сколько ей было-то?

– Восемьдесят пять, – улыбнулся Отец Александр, завожвив своей улыбкой Полину.

– Не может быть, мне она казалась моложе. Болела, наверное, очень.

– Вроде бы нет, не жаловалась.

– А на исповеди она ничего про деньги не говорила? – не унималась Таня.

– Татьяна, вы забываетесь. Тайны исповеди хотите узнать? Вас это совсем не касается. Да и не исповедовалась она, говорила, что не готова.

Он ушел, не оборачиваясь, оставив женщин одних в комнате. Потом вернулся и сказал, взяв со стола свой телефон: – О деньгах она не говорила!

Сёстры вышли из церкви, Татьяна перекрестилась три раза, как и положено, а Поля машинально повторила её движения. Пройдя по тропинке и залюбовавшись большим количеством цветов, Поля сняла платок и пиджак.

– Уже жарко, – нарушила молчание младшая сестра, – Ты платок-то сними, а то сама как бабуля.

– Выйдем за ограду, тогда и сниму. Пойдём, что ли, в кафе. Кофейку выпьем и подумаем.

Таня была озабочена. Её выющиеся русые волосы выбивались из-под платка. Сам платочек сполз на один бок, делая её вид смешным и несерьёзным.

– Мне ещё обед на завтрашние поминки готовить, продукты надо купить. А когда вещи выбрасывать будем? Лучше днём, вечером мне что-то не хочется.

После церковного спокойствия, город встретил их начинавшейся утренней суетой. До кафе идти было недалеко, и сёстры медленно шли по пешеходной дорожке.

– Ах, какая женщина! Вот это настоящая женщина! – раздался голос где-то сбоку. Обе вздрогнули, и обернулись. Подвыпивший мужчина сидел на лавочке с бутылкой пива и улыбался, поглядывая на декольте Татьяны. Не ответив ему, обе ускорили шаг.

– Вот придурок, с утра уже пьяный, – проворчала Поля, открывая дверь в кафе. – Хотя, видишь, как ты ещё можешь соблазнять.

– Ага, пьяных мужиков. У меня такого добра хватает.

Они заказали по чашке капучино и два пирожных. Таня любила сладкое, особенно когда нервничала. Сели.

– А ты обратила внимание, что у неё в квартире было чисто и свежо? – первой заговорила Полина.

– Да, там деньгами не пахло, – засмеялась сестра.

– Она не сама умерла, вот что я думаю! – достаточно громко выпалила Поля.

– Только не это, я тебя умоляю. Говори тише, люди вокруг.

Обе замолчали, опасаясь развивать озвученную тему.

– Убили? Из-за денег? Тогда мы тоже соучастники, и бабушка теперь, – прошептала Таня.

– Давай Мишу позовём в квартиру, или умру со страху. А лучше Колю, он в Шаринске каждую собаку знает. Попросим Мишу, чтобы вещи вынес. Хотя нет, он и так только выздоровел, зачем ему эти стрессы. А вдруг там засада?

– Какая засада, если там денег уже нет? Видимо, они у нас деньги и забрали, вот гады. В мою квартиру забрались, да как умело. Сразу видно, что опытные. Зачем мы им теперь, даже если будем находиться в квартире убитой?

Слово повисло в воздухе, как дамоклов меч.

«Трудно сознавать, что знаешь тайну, которую и знать не хотел», – пронеслось в голове у Полины.

Всё же решили ехать на дачу, посмотреть как там сын, домой не хотелось, а в квартиру Клавдии Митрофановны тем более.

Автобус довёз сестёр за пятнадцать минут, осталось только дойти от остановки до старого бабушкиного дома, превращённого Таней в дачу. Сельская улица, по которой они шли, сплошь была застроена одноэтажными домами, окруженными огородами. Солнце всюду распалилось, выдавая на головы жителей данного кусочка Земли градусов под тридцать тепла. Такой день всегда похож на счастье, подаренное просто так, без всяких обязательств. Но...

– Поль, посмотри, я так и чувствовала! Зачем надо было все-то окна выбивать?! Все до одного. Сынок, сыночек родненький, ты где? – орала Таня. Полина выронила сумку, и, пока поднимала её, на крыльце дома появился племянник.

– Чего ты орёшь, мама?

Миша в городе считался парнем видным, но с непростым характером. Его умение попадать в сложные ситуации досталось ему от матери, хотя Таня утверждала, что от деда. Поля подозревала, что от обоих.

– Здравствуйте, тётя Поля. Вот, посмотрите, до чего родители дожились. Приходила отцова любовница и расхищала все окна.

– Я сейчас не поняла, это Людка что ли постаралась?

– Да, отец же у нас герой-любовник, пока ты всё по церквям бегаешь.

– Заткнись, тебя не спросила. А где этот герой? Сейчас я ему устрою.

«Не думала, что буду радоваться тому, что любовница разбила окна, а не убийца», – улыбалась племяннику Поля.

– Он уехал рано, я же тебе говорил. Появится только после десяти вечера.

– А окна кто вставлять будет?

– Сам пусть и вставляет. Я сплю, а она заявляется и давай, материться ещё. Перед соседями стыдно.

– Ты бы работу путную нашел, тогда и не стыдно было бы. Ладно, ты ел?

– Опять ты с этой едой, ел. Заходите тётя Поля.

Гостья, перепрыгивая через осколки разбитых стёкол, зашла в дом. В прихожей ей попался на глаза погнутый элек-

трический чайник. На столе ещё лежали остатки от скромного завтрака.

– Миша, дай хоть я тебя обниму. С нами, родителями, и смех, и грех. Да ещё эта бабушка.

– Какая бабушка?

– Да никакая, ты же знаешь, у твоей мамы все бабушки в подругах. Тань, а что у тебя с чайником?

Полина оглянулась на сестру, а та беззвучными знаками показывала, что при сыне ничего важного говорить не нужно.

– Так, сынок, стёкла я убирать не буду, а обедать в квартиру приходи. Хотя, как теперь дачу оставишь, без окон? Хорошо, сварю вам суп, а ты сходи, зелени нарви. Как это не знаешь где?

– Тань, да я нарву, мне заняться нечем. Пусть отдыхает, не спал почти сегодня.

Полина пошла в знакомый до боли огород сестры. Тридцать лет она каждое лето приезжала в гости, отдыхала на этой даче, но в этом году что-то изменилось.

«Грядки не прополоты, теплица пустая. Как-будто злая колдунья прилетела на метле из чужого леса, и заколдовала Танин огород. Мужчины! Переходный у них период, видите ли, боятся старости, как чёрт ладана. Хватаются как утопающие за всё, что мимо плывёт, а нет, чтобы руками грести посильней. Нет, чтобы улучшить качество своих потребностей, так им подавай количество того, что уже тысячи раз было. А мир женщины рушиться и ей совсем схватиться не за что, только выплывать, – думала Полина, отрывая листья салата. – Колька весельчак, гармонист, но весь город знает, что без Тани он не он. За каждым мужчиной стоит женщина, и по ней можно судить есть семья или уже нет. Зачем ему кондукторша эта? Понятно зачем, ну а после этого? Что с ней делать? Рушить дом, в котором было тепло и уютно – опасно. Второй такой можно и не построить».

Петрушка и укроп уже не помещались в руку, и Полина отправилась к сестре.

– Хватит?

– Да, я вот подумала, а давай сходим в квартиру, всё лучше посмотрим. Я суп им с тушенкой сварю, минут через пятнадцать уже всё будет готово. С мясом некогда варить, пока сходим туда-сюда, день кончится. Вот скотина же эта Людка. Я и не догадывалась ни о чём, пока она по ночам Ко-

ле звонить не начала. Потом в квартиру ко мне наведалась, поговорить захотела. Люблю, орёт Колю, замуж за него хочу. Я ей отвечаю, бери, раз так хочешь. Только он не уходит. Плачет, прощения просит. Как ты думаешь, могла она его приворожить?

– Таня, ты же верующая. Какой приворот, седина в голову, бес в ребро, вот и весь приворот. Круговорот дури в природе. Простишь или нет?

– Не знаю. Теперь что смотреть, как она бегает и орёт на всю улицу? Противно всё, сына жалко.

Таня тяжело вздохнула, забросила в суп нарезанный лук и укроп и громко крикнула,

– Миш, иди ешь, мы скоро уходим. Положи зелень в сумку, на салат пригодится.

Прихватив ещё пару банок с соленьями и ведро картошки, нагруженные дамы, поплелись на остановку. Там уже собралось человек десять. Невысокий, загорелый мужчина лет 45 стоял чуть в стороне от толпы отъезжающих. Когда автобус распахнул двери, незнакомец пропустил вперёд Полину, затем Таню, которой даже помог занести картошку.

– Спасибо, – засмушалась Татьяна.

– Да, пожалуйста. Такой женщине приятно помочь.

Таня взялась свободной рукой за поручень и неожиданно спросила: – А вы не поможете нам кое-что выкинуть? Нам одним не справиться, сестра вообще тяжести поднимать не умеет. Бабушка умерла, а старые вещи нужно вынести, прямо сегодня.

– Ваша бабушка? – удивлённо поинтересовался мужчина. – Если только быстро, очень тороплюсь.

– Понятно, жена, дети, – съязвила Таня.

– Нет, я в командировке, у вас же тут строительство развернулось нешуточное. Меня ждут на совещании.

– Тогда почему вы не на машине?

– Мой водитель, Николай, уехал сегодня куда-то. Я искал его дом, но там девушка странная так кричала, стёкла била. Я и ушел, погулял, в магазин зашел, потом вернулся на остановку.

Полина еле сдерживала смех, наблюдая, как сестра из кокетки превращается в удивленную, а потом и возмущённую женщину.

– А куда это Николай-то уехал?

– Не знаю, очень рано видимо. Я подумал, что проспал, сам вчера хорошо погулял на озёрах. Шашлыки, купание, сами понимаете. Я у сына спросил, а он отца с утра не видел, не знает ничего.

Татьяна выпрямилась, поправила волосы, забрала из рук незнакомца пакет с картошкой и заявила: – Вы знаете, я передумала. Мы сами справимся, а вы поезжайте на работу. Вам ещё долго ехать.

Когда автобус захлопнул свои двери, сёстры рассмеялись во весь голос, как обычно и смеются, если до этого долго сдерживать эмоции. Полине, не привыкшей часто ездить на автобусах, даже стало нравится такое перемещение по земле, весело. Идти в квартиру Клавдии Митрофановны не хотелось, но надо.

– Пошли, быстренько зайдём, захватим кули и сразу назад, – дала команду Таня.

– Твоё декольте сегодня творит чудеса, так и притягивает мужчин. Смотри, как бы по дороге ещё кто-нибудь не прицепился, – продолжала посмеиваться Полина.

– Когда меньше всего думаешь о мужиках, они и появляются. У меня идея, давай позовём соседей, хотя бы девочку.

– Ты что, боишься? Я-то не скрываю, что боюсь. Но ты всегда такая смелая.

– Конечно, боюсь. Пожить ещё не успела. Много мы с тобой видели интересного? Муж и дети? Знаешь, почему я всё узнала о Кольке? Съездила на поклон к поясу Девы Марии и попросила её о том, чтобы все тайны стали явью. Сама не знаю почему.

– Я так верить не могу. Склоняюсь к версии, чем ближе мы к старости, тем чаще к нам возвращаются ситуации и привычки из прошлой жизни.

– Началось, твои теории мне уже и слушать не хочется. Никаких карм нет, да и прошлых жизней. Это всё придумали люди.

– А ваши ритуалы кто придумал?

Сёстры спорили только по вопросам мироздания, вернее о том, почему и как появился человек, и кто он вообще такой. Без зла, без ненависти и обид, как могут спорить только два очень близких человека, без всякого фанатизма. В одном только они всегда сходились, что человек создание несовершенное, но заслуживает счастья и радости хотя бы иногда. Подойдя к подъезду Клавдии Митрофановны, они увидели

выходящую из дверей знакомую девочку. За ней вышла полная женщина в красном платье и короткими обесцвеченными волосами. Сходство было очевидное, но мама была ровно в три раза толще дочки.

– Здравствуйте, – тихо проговорила девочка.

– Здравствуйте, мы как раз хотели попросить вас помочь нам вынести мусор из квартиры бабушки.

Женщина в красном платье недружелюбно посмотрела на незваных гостей: – Прошу прощения, а вы кто такие, что ходите в квартиру к Клавдии?

– Мы помогаем организовать поминки, – вызывающе ответила Таня.

«Дама серьёзная, бдительная, но могла бы немного поуходить. Лет сорок, не больше, а покушать, наверное, очень любит, очень», – оценила новую знакомую Полина.

– И откуда у вас ключ? – продолжала настаивать соседка.

– А это вам необязательно знать. Её в церкви отпевали, оттуда и на кладбище отвезли, но завтра девять дней.

– Я бы её не в церкви отпевала, а ..., – женщина замолчала.

ла, развернулась и вернулась в подъезд. Дочка пошла за ней. Тащить картошку и банки на третий этаж оказалось трудновато, поэтому Таня тоже прекратила разговор, пока они не добрались до нужного этажа.

– Вы её не любили? – тяжело дыша, спросила Полина.

– Да я её и не знала. Она никогда дверь не открывала, как будто и не жила. Раза два только дочке и открыла. Свет горит, а звуков никаких.

Сёстры переглянулись: – Так вы поможете?

– Нет, мне тяжести таскать нельзя, сердце слабое. Пусть Нелька вам поможет, но сильно не нагружайте.

Больше не поворачиваясь, соседка зашла в свою квартиру и захлопнула дверь. Таня опять долго рылась в своей сумочке, не особенно торопясь открыть эту злополучную дверь. Полина наоборот чувствовала себя прекрасно, присутствие этой молоденькой девочки действовало на неё успокаивающе, и мысли становились веселей.

«Ангел ещё, с детьми всегда светлее, и страхи рядом с ними прячутся, слепнут как-то».

Когда все трое вошли в квартиру, то ахнули не сговариваясь. Три куля со старыми вещами были растерзаны, газеты разбросаны по всей комнате, кровать сдвинута и перевернута.

та. На кухне всё жалкое подобие посуды валялось на полу, вперемежку с вилками и ложками.

– Похлеще твоей дачи, не Людка, случайно? – попыталась пошутить Полина.

– Да уж, как будто Клава пришла с того света и повеселилась.

От такой шутки Полю передёрнуло. Стало ясно, что выносить пока нечего.

– Неля, ты иди, мы тут сами всё соберём. Не забудь завтра зайти, в двенадцать, пожалуйста.

– Может помочь? – предложила девочка, ей явно было всё это интересно.

– Не надо, мы уж сами, – занервничала Татьяна, нужно было срочно обсудить ситуацию.

Девочка ушла, а сёстры остались стоять посреди горы вещей и обрывков газет. Хорошо ещё, что солнце очень жизне-радостно светило из окон. Полине показалось, что всё это бутафория, и эта квартира, и мусор, и даже смерть этой бабушки. Таня присела на стул, посмотрела на сестру и сказала: – А ведь всё это бутафория. Посмотри, эти вещи слыш-

ком чистые, никто их не носил. Газеты никто не читал, она здесь не жила. Постельное бельё пахнет порошком.

– Версия неплохая, у меня тоже такие мысли появились, здесь не пахнет жизнью. Приходила, чтобы соседи видели и уходила. Даже тарелки чистые, это в восемьдесят пять-то, так всё отдраить. Вот же загадка, пошли отсюда, нехорошее место!

Полина начала продвигаться к выходу, но сестра быстро приняла другое решение: – Нет уж, давай быстро соберём всё в простыни и вынесем. Я батюшке обещала. Он завтра сюда явится, а тут такое.

Вернувшись, Полина начала забрасывать всё, что попало под руки в простыни, постеленные сестрой. К кровати она так и не подошла, зато часто поглядывала в окно, боясь увидеть там подозрительную личность. С высоты третьего этажа двор хорошо просматривался, но там только весело играли дети. Мамочки сидели рядом на лавочке и болтали, им сегодняшней день явно нравился. Когда почти всё было собрано, она очередной раз выглянула в окно и замерла.

– Таня, мы попались. Там этот мужчина из автобуса. А мы, дуры, решили, что он и правда Колю искал. Он нас искал. В подъезд пошел, бежим.

Таня почувствовала страх сестры мгновенно. Выбежав

из квартиры, женщины почему-то рванули наверх, но на пятом этаже стало ясно, что бежать дальше некуда.

– Ну, вот и попались, из-за этих чёртовых денег умирать не хочется, ладно мы бы их украли, – чуть дыша, пробормотала Поля.

– Почему чердаки закрыты? Давай постучимся в квартиру!

Поля уже стучалась, молясь всем Богам, каких только знала. Дверь открыл пожилой мужчина.

«Везёт нам сегодня на мужиков», – успела подумать Поля.

– Здравствуйте, вы не могли бы нам помочь? – обратилась Полина, стараясь говорить, как можно вежливее.

– А в чём дело? Квартира захлопнулась?

– Нет, нет, мы тут у вашей соседки с третьего этажа мусор хотели выбросить, но тяжело вато нести. У покойницы много всякой ерунды накопилось, – несла с испугу всякую ересь Татьяна.

– У нас на третьем этаже никакой бабки нет. Или вы про тридцать шестую? Там приведение живёт, моя жена так го-

ворит. А вы откуда его знаете?

Пока сосед шутил, женщины прислушивались к звукам отрывающейся двери в подъезде.

«Пенсионер, пьющий, может ли он защитить? Подставим человека, а у него семья. Но как же быть, себя тоже жалко», – малодушно размышляла Полина.

– Она в храм ходила, там и познакомились.

– А вы не свидетели Иеговы, случайно? – сосед сделал шаг назад.

– Да что вы. Мы православные.

– Ладно, эти ещё ничего, – ухмыльнулся сосед, и остановил взгляд груди у Тани.

– Сейчас рубашку накину и вас догоню, неудобно в майке, с такими дамами.

«Не жалко, пусть защищает, раз ещё заглядывается на женщин, то силы есть», – успокоилась Поля.

– Мы подождём, – притворно улыбнулась Татьяна.

Через несколько секунд сосед вернулся, надев на майку

серенькую рубашку с коротким рукавом. Он пошел первым, а сестры, оставив между ним и собой приличное расстояние, любовались на его блестящую лысину.

– Что же вы дверь открытую оставили? Хотя, как я погляжу, красть тут нечего.

Полина и Таня вздохнули, заглянули в окно, но там никого уже не было. Наступило время ужина и мамы увели детей по домам. Потуже завязав узлы, сосед, представившись Семёном, легко поднял их и понёс вниз. Сестры, собрав остатки смелости, начали спускаться за ним.

Глава 4. Завещание

До мусорных бачков нужно было пройти метров десять. Когда узел благополучно очутился в бачке, Таня попросила мужчину: – Семён, завтра в 12.00 зайдите, помяните Клавдию, девять дней, всё же.

– А нальёте на помин души? – весело спросил сосед, как будто его приглашали на праздник.

«Который раз убеждаюсь, что чужие поминки не трогают душу. Обряд нужный, да главное, чтобы те, кто приходят, действительно желали Царствия Небесного», – грустно вздохнула Поля.

– Нальём, не волнуйтесь, – махнула рукой Таня, давая понять, что с Семёном разговор окончен.

Мужчина хитро улыбнулся, изобразил воздушный поцелуй и отправился восвояси.

– Если я не умру сегодня от страха, то умру от смеха. Не снимай эту кофточку, ты в ней неотразима, – улыбнулась Полина, но тут же и изменилась в лице.

– День добрый, ещё раз, милые дамы.

Не ответив, сёстры побежали в сторону детской площад-

ки. Картина поразила бы любого наблюдателя своей нелепостью. Две, не очень уже молодые женщины, бежали через детскую площадку, размахивая сумками. Их догонял прилично одетый гражданин, который громко смеялся: – Погодите, я только спрошу!

– Как пройти в библиотеку? – умудрялась на бегу ехидничать Полина.

Смех мужчины ещё усилился.

– Нет, кто убил старушку!

Первой остановилась Полина, Таня тормозила медленнее, поэтому запнулась о край песочницы, схватилась за сестру и кое-как устояла. Мужчина подошел уже спокойной походкой, заправляя футболку в джинсы на ходу.

– Простите, Ради Бога, что вас напугал.

– Не то слово – напугал, – тяжело дыша, призналась Полина.

– Врал, есть грех. Думал, что вы тоже не совсем правду говорили батюшке. Когда утром меня Саша вызвал, то я всякие версии прокручивал. Батюшка ещё тот конспиратор, никому не доверяет. Со дня смерти Клавдии покоя ему нет. Да мы, меня зовут Сергей.

– Как это батюшка? Он что, всё знал и ничего не сказал? – возмутилась Полина.

– А что он должен был рассказывать? Бабуля квартиру церкви отписала, как раз перед смертью и отдала завещание, вместо покаяния. А ещё приписку сделала, что всё найденное в квартире вернуть тому, кому принадлежит. Он и хотел по совести, меня попросил, не самому же ему по квартирам бегать, клады искать.

Обе женщины оторопели от такого разъяснения.

– Я что, похожа на кладоискательницу? – обиженно осведомилась Таня.

– Документ, написан двадцать лет назад, поэтому батюшка и усомнился. А почерк на завещании и в записке разный, вот он меня и попросил за вами проследить, чтобы...

У Полины зазвонил телефон, на телефоне высветилось слово «муж».

– Да, Петя, слушаю. Почему не звоню, некогда было, извини. Тане помогала, потом расскажу в чём, сейчас не получится. Как вы там с Редиком питаетесь? Суп сварил? Вот и молодец. Я вечером перезвоню, целую. Да, тороплюсь, не скучай.

– понять, кто же завещание писал. А то квартира-то не мелочь, потом греха не оберёшься.

– Погодите, так что получается, не смогут беженцы там

жить? – забеспокоилась Татьяна.

– Смогут, документ уже проверили, хоть ему и двадцать лет, но заверен, как положено.

– Подарок с того света! – нервно пошутила Полина.

– Поля, твои шуточки сейчас неуместны. А поминки готовить или нет?

– Конечно, всё как Отец Александр велел.

Полина посмотрела на Сергея, потом на сестру и вдруг выдала версию, заставившую остальных удивиться.

– Боже праведный, она и есть убийца. Та, которая записку писала. И деньги она украла, больше некому!

Лицо Тани стало непроницаемым и, повернувшись к Сергею, она строго спросила: – А вы кто по профессии? И зачем прикрывались моим мужем?

– Не частный сыщик, к вашему сожалению. Всего лишь бывший военный разведчик на пенсии. Мужем я прикрылся случайно, не знал, что придумать. Но я действительно видел сцену разгула страстей на вашей даче. Весёлое зрелище, я вам скажу.

– Не ваше дело, зачем вы вообще на дачу потащились?

– Ага, вычислили, про деньги я знаю. Отец Александр позвонил и всё рассказал. Просил за вами последить.

Таня отвернулась от Сергея, обращаясь только к сестре.

– Он нам не поверил! Ты понимаешь, он решил, что мы взяли эти деньги, – Таня пнула небольшой камешек, лежащий на траве.

«Женщина, если ей доверять, почти не обманывает. Разболтать может, но украсть редко, слишком жалеет других. Если у женщины нет жалости, то и любви нет. А нет любви, считай не женщина уже», – такой круговорот мысли посетил Полину, наблюдающую за нервными движениями сестры.

– Я это сразу поняла, и я бы не поверила. Нашли два миллиона и тут же потеряли.

Сергей взял Таню за руку и легонько пожал её.

– Он про деньги от вас узнал. Не хочет неприятностей. Пойдемте, сядем на лавочку.

Только сейчас они заметили, что стоят рядом с песочницей, в которой трое детей с интересом разглядывают дядю и двух тётъ.

– Пора отсюда уходить, домой или в кафе? – улыбнулся Сергей.

– А вы и в кафе уже за нами наблюдали? – поинтересовалась Полина.

– Нет, я сначала на квартиру заглянул, вещи все проверил, а потом на дачу, адреса мне Саша дал.

Татьяна оглядела ещё раз Сергея с ног до головы и пробурчала: – Мы в магазин, за продуктами. Поможете донести до квартиры? Адрес уже знаете.

Сергей молча кивнул. Солнце уже начало потихоньку опускаться за горизонт, но жара не спала. После дневной беготни, всем очень хотелось пить. В универсаме Татьяна хозяйски взяла тележку. Она быстро подкладывала туда нужные продукты: рыбу, мясо, овощи, фрукты, крупу и напитки. Сергей и Поля послушно шли за ней, но на пути к кассе она остановилась и повернула тележку в сторону винно-водочного отдела. Прихватила бутылку кагора, бутылку водки и, задержавшись ещё по пути, две коробки конфет.

– Давай я заплачу, – предложила Поля.

– Нет уж, буду тратить батюшкины деньги, раз уж мне

не поверил, – гордо ответила Татьяна.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент, когда Таня рассчитывалась в кассе.

– Да, Отец Александр, это Татьяна. Нет, не нашли. Покупаем продукты на завтра в сопровождении вашего друга Сергея. Дать трубку, ладно, даю.

Таня холодно подала свой телефон Сергею, делая вид, что ей нисколько не интересно.

– Да, Александр, всё сделал, но они, как в воду канули. Пошел по ложному следу, и напугал до смерти милых дам. Простят, конечно. Ладно, есть охранять, даже ночью. До завтра, пока.

– Вы хотите сказать, что будете у нас ночевать? – поинтересовалась Полина.

– А что, свободного места не найдется?

– Найдется, – проворчала Таня.

Вернувшись домой, все трое почувствовали, что очень проголодались. Перекусили, выпили немного кагора за знакомство. Приготовили рыбу, попробовали, допили кагор. Таня готовила ещё плов, подождали, попробовали, нашли коньяк, который Татьяна оставляла для выпечки тортов, и выпили за удачу.

К полному заходу солнца все блюда были готовы. Сергей оказался весёлым рассказчиком. С Отцом Александром познакомился недавно, когда купил дом по соседству. После выхода в отставку нужно было найти другую работу, а батюшка знал многих в городе.

– Высокое начальство любит дружить со священниками, грехов много, – смеялся подвыпивший гость.

После коньяка все начали придумывать версии смерти старушки, но ниточки никак не связывались.

«Она жила бедно, но всё отдала церкви! Кто она? Слишком добрая прихожанка или больная, одинокая женщина, ожидающая смерти? – засыпая думала Полина. Последняя её мыслью с этот день была о муже: – Я не позвонила! Можно было пить и поменьше».

В полдевятого утра Полина проснулась с головной болью и ощущением невыполненного дела. Но телефон был в коридоре, а из кухни уже было слышно, как сестра гремит сковородками и кастрюлями. Запахи свежей выпечки успокоили совесть. Подниматься не хотелось, но и спать уже не имело смысла: – Тань, ты что там жарить?

– Как что, вчерашние блины. Булочки сейчас созреют. Семь человек накормить надо. Может батюшка ещё кого-то с собой приведёт, бабушек наших. Остатки раздадим, поминать нужно не жадничая. Правда я так и не поняла, кого мы

будем поминать, а?

Из гостиной вышел Сергей, виновато улыбаясь Полине, одетой в ночную рубашку.

– Доброе утро, дамы.

– Ой, я в таком виде, – оправдывалась Поля, убегая в спальню. Она быстро надела белые брюки и цветную кофту. Подумала и сменила её на темно-синюю.

– Садись, чай пей. Потом поможешь мне всё упаковать. Хорошо, что Сергей с нами, а то, как всё это нести, – рассуждала Таня, доставая из духовки свежие булочки.

Гость стоял в дверях кухни, не решаясь спросить.

– Татьяна, можно мне душ принять? Два дня толком не мылся, чувствую себя животным.

– Ой, конечно. Сейчас вам, тебе, свежее полотенце принесу. Поль, переверни блинчик, я мигом.

Старшая сестра плавающей походкой прошла в спальню.

«Ого, платье надела новое, и губы накрасила моей помадой. Молодец, не всё Кольке гулять», – проводила Поля сестру взглядом.

Пока Сергей мылся, сёстры заворачивали в фольгу рыбу, кастрюлю с пловом и упаковывали салаты. Оставалась только большая кастрюля с киселём, которая никуда не входила. Всё вынесли в коридор, ожидая только гостя.

Звонок в дверь опять заставил женщин испугаться. Вода в ванной шумела сильно, поэтому Сергей мог и не слышать этого звонка.

– Не ходи, не будем открывать! – предложила Полина.

– А вдруг соседка или сын опять ключи потерял? – заволновалась Таня.

– Позвонит по телефону!

Таня, не дыша, посмотрела в глазок.

– Колька! Сейчас открою и пошлю к Людке, а то и дальше, – взбодрилась хозяйка. – Квартира на мне записана, им дачи хватит. Вещи отдам, и пусть валит!

– Тань, это я, открой!

– Зачем пришел? Я тебя не звала.

– Мне поговорить надо, открой, пожалуйста.

Таня открыла защёлку, потом медленно повернула ключ, и на пороге квартиры появился Николай.

«Бедняга, похудел-то как, зятёк. И куда прыть подевалась? В свой дом, как чужой заходит. Вот так гонимся за счастьем, а потом, оказывается, бежали не туда, только перья облетели и копыта стёрли, – подумалось Полине, пока она не увидела в руках Николая знакомый красный пакет».

– Ах ты, гад! Это ты деньги взял? Я так и знала, что ты ещё и вор! – закричала Таня.

– Какие деньги, Таня? Я на счёт выбитых стёкол извиниться пришел. Людка с ума сошла, ещё хлеще тебя. Ты только чайник кинула, а она видишь, как дурит. Сердится, что я с тобой разводиться не хочу. Здравствуй, Поля.

Мурлыча себе под нос, из ванны вышел довольный Сергей. На нём были только брюки, рубашку и носки он ещё не надел. Он держал их в руках.

– Эй, мужик, а ты кто? – вмиг захорохорился Николай.

– Это наш охранник, Коля. А ты где пакет взял? – Полина вышла вперёд, заслоняя гостя от напряженного взгляда Коли.

– Какой пакет, что тут у вас творится?

Сергей оторопел, но только на пару секунд. Оценив ситуацию, он мгновенно сориентировался.

– Здравствуйте, Николай! Пройдемте на кухню, я вам всё объясню.

Снимая кроссовки, Коля поставил красный пакет на пол. Как только Коля зашел на кухню, сестры бросились к заветному пакету, но в нём лежала только старая рабочая куртка.

Таня побежала за мужем, который уже успел сесть на своё любимое место на кухне и взять в руку тёплую булочку.

– Ты куда дел-то, что там было? В пакете?

– Никуда, – Коля с наслаждением откусил первый кусочек, – я пакет искал, чтобы куртку положить. В кладовке нашёл, там старые газеты напиханы были. Так я их в кастрюлю вывалил, куртку положил и ушел, чтобы вас не будить.

– Да? А ключ где взял?

– Так Мишка на даче оставил, когда гулять пошел. Я же знал, что в шесть утра вы спать будете, раз Поля приехала. Полночи болтали, небось.

Коля смачно хлебнул чаю из кружки Полины. Сергей сел напротив, внимательно прислушиваясь к разговору. Таня вдруг подобрела, взяла с полки две больших чистых кружки и налила в них свежего чаю.

– Коля, ешь, у нас поминки сегодня, нам собираться пора, – сказала Таня, подавая сигналы сестре, пройти в кладовку.

Сестрам очень хотелось услышать, как выкрутится Сергей, но заглянуть в зелёную кастрюлю хотелось ещё сильнее. Таня одним рывком сбросила старые куртки и увидела свёрток, преспокойно лежащий на дне эмалированной кастрюли.

– Коли не говори ни слова, – шепнула она сестре.

– Да знаю я, а если Серёжа проболтается?

– Не думаю. И почему мы сразу сюда не заглянули?

Весёлый смех, доносившийся с кухни, давал понять, что Сергей благополучно выкрутился из пикантной ситуации.

«Умеют мужчины придумывать, если захотят. Начинаю думать, что пока Дева Мария не вступится, так и поймать их невозможно. Колька такие басни сочинял, а вот попался», – думала Поля, пока Таня засовывала денежный клад в старую чёрную сумку. Газеты рвались, сумка оказалась маловатой. Кусок оторванной газеты упал на пол. Полина подняла его

и залюбовалась красивой женщиной, изображенной на газетной фотографии. Потом смяла его и засунула в карман брюк. Деньги были упакованы, очень хотелось узнать, что же там на кухне. Но Коля уже допил свой чай, достал из холодильника колбасу, вложил её между двумя булочками и положил в прозрачный пакетик.

– На работе иногда так перекусить охота, уже месяц, как голодный хожу, – оправдывался он перед Сергеем. – Ну, пока, герой!

Хозяин пожал Сергею руку и пошел к выходу.

– Таня, мне где ночевать?

– На даче, предатель, только там. И не забудь вставить стёкла.

Таня отвернулась, но от Поли не ускользнула довольная улыбка старшей сестры.

Коля ушел, а обе женщины набросились на гостя.

– Ну, что ты ему наврал?

– Иду, говорю по улице, впереди две симпатичные дамы. А к ним пьяные мужики пристают. Но я-то военный, всех побил и дам спас. А что деньги, нашлись?

– Вот они, – Таня показала чёрную сумку.

– Можно глянуть?

– Нет, только бабушке в руки отдам.

– Ну и ладно, можно было к спасителю быть и подоверчивей. Я, между прочим, Коле сказал, что вы сильно напуганные были и попросили вас и ночью охранять. А он ничего, Колька, весёлый.

Полина собралась подкрасить губы, пока Таня вызывала такси. Нести нужно было шесть пакетов и одну большую кастрюлю с киселём.

Глава 5. Поминки

Из подъезда вышли с трудом. Таня прижимала к себе чёрную сумку, но при этом тащила ещё три пакета. Поля кое – как подняла два, а кастрюлю с киселём и самый большой пакет взял на себя Сергей. Разместившись в салоне, Сергей назвал адрес, и они поехали.

Таксист попался разговорчивый.

– Куда это вы с утра? Пахнет вкусно. Ни на свадьбу, случайно?

– На поминки, – сообщил Сергей, при этом улыбнулся.

Таксист замолчал, и перестал задавать вопросы. Таня прижимала к себе чёрную сумку, но не выдержала и шепнула на ухо сестре: – Знал бы он, сколько мы денег везём, вот бы удивился.

Сестры тихонько захихикали. Таксист повернулся, удивлённо посмотрел на женщин, и спросил.

– Чего это вы на поминки, а смеётесь?

– На нервной почве всё, бабуля наследство оставила, а никто не знает кому, – сделал очень серьёзное лицо, объяснил Сергей.

– Вот бы мне такую бабулю, а то вкалываешь, и никак не получается нормально жить.

Таня, выходя из машины, подвернула ногу и чуть не выронила сумку с деньгами.

– Осторожней, Татьяна, – усмехнулся Сергей, доставая из салона кастрюлю с киселём.

– Сам не упади, вот уж смеху будет, – отпарировала Таня. Большой чёрный автомобиль въехал во двор дома номер двадцать семь. Он остановился рядом с машиной такси, но никто из неё не вышел. Только когда таксист завёл машину и выехал со двора, дверь автомобиля открылась. Батюшка, не торопясь, с достоинством предстал перед этой троицей, озарив их белозубой улыбкой. Одет он был в летние брюки и светлую рубашку. Таня, с лёгкой обидой на лице, первая шагнула к нему навстречу, протягивая чёрную сумку.

– День добрый всем! Сколько же вы наготовили! Татьяна, что вы мне хотите сказать?

– Вот, батюшка, возьмите. Ничего себе не взяла, хотя вы и подумали, что...

– Татьяна, давайте не на улице. Поднимемся в квартиру,

и вы мне всё расскажите. Я вас и не сомневался никогда.

Таня свободной рукой прихватила ещё три пакета и, гордо неся свою кудрявую голову, первая вошла в подъезд. За ней Поля, Сергей и Отец Александр. Пока поднимались на третий этаж, никто не проронил ни слова. В тесном коридоре квартиры Клавдии не помещались четыре человека, поэтому сёстры сразу прошли на кухню.

– Подвиньте стол к кровати, пожалуйста, – сходу начала распоряжаться Таня, выставляя на кухонный стол приготовленные блюда.

Батюшка о чём-то разговаривал с Сергеем, но из кухни подслушать их не удавалось.

– Не сердись, Сергей сейчас ему всё расскажет. Грех с души снимет.

– Никакого доверия, как жить. Вот кому бы я ни доверяла, так это самим мужикам.

– А ты Колю-то простишь? – тихо спросила Полина, раскладывая порциями еду в одноразовую посуду.

– Думаю. Людка на двадцать лет моложе меня, а он не уходит. Я его и так, и сяк выгоняла, обзываюсь, ору, унижаю даже. А он терпит, раньше бы получила за такие слова. Самое интересное, что мне её жалко, как женщину. Двое детей, ни одного мужа. А это с крючка сорвался, хотя уже почти тёпленький был.

– Да, как женщине ей не позавидуешь. Картошку-то ва-

ритель будем?

– Не знаю, в этих кастрюлях уже сто лет никто ничего не варил. Банки сможешь открыть с огурцами? Чем, чем, ножом придётся.

Сёстры начали носить наполненные тарелки в комнату и ставить на стол. Помыли фрукты, конфеты разделили на части, чтобы раздать потом бабушкам, знавшим Клавдию. Осталось только разлить кисель по стаканчикам. В дверь постучались.

– Поль, открой, иди. Я пока рыбу и плов унесу.

Полина подошла к двери, но она уже была открыта. Соседка, всё в том же красном платье и девочка Неля стояли в коридоре.

– Здравствуйте, заходите, пожалуйста, – как-то уже совсем по-хозяйски встретила их Поля.

«Пришли, очень хорошо. А то вот так заканчивается жизнь и некому прийти. Кто-то же должен хоть немного вспомнить хорошего».

За столом уже сидели Сергей и Отец Александр. Соседка никак не отреагировала на присутствие батюшки, чувствовалось, что в храме она не была ни разу. А вот Неля узнала его сразу, потупила взгляд и тихо поздоровалась. Ком-

пания получилась странная, Поля не могла воспринимать это как правду, всё казалось искусственным и театральным. Но старушка умерла, и сегодня именно девять дней как это произошло.

Соседей посадили на два имеющихся стула, а сёстры принесли из кухни старые табуретки. Семён постучался почти сразу, после прихода соседок. Таня посмотрела на батюшку и принесла из кухни бутылку водки.

– Батюшка, я знаю, что не положено, но я обещала Семёну.

– Пусть выпьет, – кивнул Отец Александр.

Соседка тоже подставила свой стаканчик, когда Таня наливала Семёну. Остальные пили кисель. Батюшка прочитал молитву, но Полю удивило то, что он не назвал имени усопшей. Он перекрестился, Таня тоже осенила себя, а остальные неловко соединив три пальца, поддержали традицию. Семён выпил водки, даже не попытавшись изобразить скорбь на лице. Звук поглощаемой еды прервался громким мяуканьем.

– Опять пришла, – вскочила Полина, – Её тоже надо накормить.

– Не надо, – попросила Неля, – Она опять начнёт сюда ходить. Клавдия Митрофановна её приучила, а Савушкины потом ищут.

Подвыпивший сосед начал приставать к Тане.

– Расскажите мне, хоть какая она была, покойница. Человек какой, добрый или не очень. Почему родных нет, раньше вроде были. До перестройки к ней сестра приезжала, вроде бы.

– Не была она доброй, – вдруг выкрикнула Неля.

Полная тишина воцарилась за столом.

– Любой человек добр, только иногда сам забывает об этом и не ведает, что творит, – возразил Неле батюшка.

– Нет, только не она, – дерзко возразила Неля.

– Дочь, на поминках так не говорят, пусть ей будет Царствие Небесное, – пыталась остановить Нелю мать, продолжая с аппетитом поедать плов.

– Она вообще здесь не жила! Она в другом месте жила! – огорошила всех девочка.

– В каком? – вопрос прозвучал сразу от всех сидевших за столом.

– А пойдёмте, я вам покажу! Однажды я слышала, что в квартире кошка кричит. Стучусь, а никто не открывает. Только это уже год назад было. Потом с балкона смотрю, а бабушка куда-то пошла.

Я за ней, чтобы кошку забрать, Ленка Савушкина всегда её ищет, вместо того, чтобы со мной гулять. Она идёт,

не оглядывается. Мы, наверное, полчаса так шли, не меньше. Дошли до улицы, на которой коттеджи стоят. Она всё не останавливается, а мне уже интересно стало, что ей здесь надо. Старуха в главный вход не вошла, а сразу обошла дом и в калитку. Я ждала, ждала, но забор высокий, никак не посмотреть. А кошка по балкону моему домой вернулась, сытая. Мам, помнишь, ты ещё меня ругала, что я поздно пришла?

– Да, – кивнула головой соседка, пережевывая блинчик.

– Пойдёмте, я дорогу помню!

Отец Александр переглянулся с Сергеем и кивнул головой. Поля встала, чтобы пропустить мужчин, но Семён вновь потянулся к бутылке с водкой. Он был уже изрядно пьян.

– Уважаемый, вы тут за квартирой присмотрите, пока мы съездим, – попросил Сергей не трезвого гостя.

– Нет проблем, – сразу согласился Семён.

– Я тоже останусь, – объявила соседка, которую, как выяснилось, зовут Анжелой. – Помянем бабулю, мир её праху.

Таня, прихватив чёрную сумку, первая вышла из квартиры, наказав Анжеле встретить бабушек, если они всё же подойдут.

Неля села рядом с батюшкой на переднем сидении, а сёстры и Сергей на заднем.

– Татьяна, давайте сумку в багажник положим, вам неудобно, – улыбаясь, предложил Сергей.

Таня молча отдала ему свой груз, мельком взглянув на ба-
тюшку. Он даже не повернулся, а завёл машину и обратился
к девочке.

– Долго ехать?

– Минут пятнадцать, наверное. Из города выедем,
а там к коттеджному посёлку.

Поехали. Необъяснимое чувство открытия тайны охвати-
ло Полину.

«Живёшь, живёшь, общаешься с человеком, а он совсем
не такой, каким кажется. И только смерть снимает все мас-
ки, – рассуждала она, молча разглядывая гуляющих по горо-
ду людей».

Отец Александр, не поворачивая головы, громко сообщил
всем: – Клавдия, вернее я теперь и сам не знаю, как зовут по-
койную, сказала мне в день смерти, что большой грех на ней
лежит, за который она своей жизнью расплатилась. Я вас,
Татьяна, поэтому в её квартиру и послал, чувствовал, что вы
справитесь, с вашей-то смекалкой.

– И кто же эта бабуля? Три года в храм ходила, да ни с кем не разговаривала, как тень.

– Не знаю, больше она ничего не сказала.

Неля пыталась разглядеть среди большого количества новых коттеджей, построенных за прошедший год, нужный дом. За высокими заборами, почти нельзя было увидеть самих строений.

«Чем выше забор, тем меньше душа», – с сожалением подумала Поля.

– Вот этот, белый. Остановитесь, батюшка, – взволнованно сообщила Неля.

Все вышли из автомобиля. Сергей подёргал ручку входной калитки, но она была закрыта намертво. Пришлось обойти вдоль всей улицы, и возвращаться к белому забору уже с заднего входа. Калитка была приоткрыта, и все беспрепятственно зашли на территорию коттеджа. Вдоль всех четырёх сторон забора росли высокие сосны, образуя собой второй, живой забор.

Полина опять поймала себя на мысли: – «Крепость! Здесь как в заколдованном замке, вокруг жизнь, а здесь время остановилось».

Больше на участке ничего не росло, только трава

и несколько кустов сирени. Зато великолепный двухэтажный дом в стиле «ампир» предстал перед глазами четырёх изумлённых гостей.

– Красота! А колонны, прям дворец! – восхищённо вскрикнула Таня.

Белоснежный, похожий на маленький дворец коттедж предстал перед глазами изумлённой группы незваных гостей. Изящные изгибы карнизов и нетиповых оконных рам делали это строение непохожим ни на один дом, виденный Полиной.

«Хочу такой! Кто бы такой не хотел? Кажется, что там, внутри, живёт графиня какая-нибудь. Почему мы все не можем жить в таких домах, неужели только деньги определяют жить человеку в красоте?» – подумала она про себя, а вслух сказала: – Настоящая архитектура, интересно, кто его строил и сколько это стоит?

Парадное крыльцо с фигурными перилами было белоснежно чистым, не затоптанным ни одним человеческим следом.

– Здесь не пройдем, дверь много лет никто не открывал, пошли искать вход, – предложил Сергей, и все отравились опять на задний двор. Там, между кустами сирени, гости на-

шли незаметную дверь, которая оказалась приоткрытой.

– Я первый зайду, погодите пока, – полностью взял на себя командование бывший военный.

Через полминуты из дома послышался голос Серёги: – Заходите, здесь никого!

Интерьер дома поразил сестёр ещё больше, чем фасад. Тяжёлые шторы закрывали окна, но и в полумраке можно было разглядеть гнутые ножки больших кресел, украшенный инкрустацией столик и камин, дополненный маленькими колоннами. На камине стояли старинные часы, а в углу гостиной скульптура обнаженной греческой богини.

– Отец Александр, здесь записка вам. Может лучше ничего не трогать, до приезда полиции.

Все собрались вокруг стола и уставились на записку. Батюшка смотрел на листок бумаги, покрытый красивым женским подчерком.

– Я прочитаю, теперь все уже в курсе, скрывать нечего.

– Но, Саша, я не советую, иногда лучше ничего не знать, – возразил Сергей.

– Серёжа, ты не на службе, ты такой же, как мы, – запро-

тестовала Татьяна.

Поля и Неля молчали, слишком страшно было узнать тайну этого дома. Но батюшка посмотрел на всех своими голубыми глазами и сказал:

– Если Господь свёл всех нас, то его была воля, чтобы мы всё узнали.

– Логично, – улыбнулась Таня, посмотрев на Сергея.

«Дорогой Отец Александр, здравствуйте!

Простите меня, что я не пришла ни разу на исповедь. Теперь, когда вы читаете это письмо, я далеко и могу ничего не бояться. Двадцать лет я пряталась от всех людей, но больше не хочу. У меня были деньги, очень много денег, но я не могла даже пригласить никого в этот дом. Двадцать лет назад я украла эти деньги у своего мужа, который обидел меня. Приехала в эту глушь, и построила себе крепость. Клавдия Митрофановна ничего не знала, я ей сказала, что прячусь от злого мужа. Она, по моей просьбе, написала завещание на квартиру. Я дала ей много денег, она тогда очень нуждалась. Выкупила у неё паспорт, и она уехала куда-то к своей сестре. Деньги, которые вы нашли в пакете – это её пенсия за двадцать лет. Отправьте ей или её родственникам. Все квитанции у меня в шкафу, в спальне. Мне было нужно полностью войти в её образ, поэтому я притворялась старушкой. Каждый день я просыпалась с мыслью, что меня найдут и по-

садят в тюрьму. Но все двадцать лет я уже и жила в тюрьме. Срок преступления истёк, я хочу увидеть море. Дом, наверное, продадут, но мой муж уже скончался. Вы и кошка, которая приходила ко мне, да ещё одна женщина Татьяна, больше ни с кем я даже не разговаривала последние годы. Спасибо вам, Отец Александр, храни вас Господь.

Елизавета Аркадьевна Серебрякова».

Тишину, образовавшуюся после прочтения записки, прервал голос Тани: – Бедняга, не доехала. Так притворяться, так мучиться и умереть в нищенской квартире. Да, я с ней и не разговаривала почти. Только еду давала, а она её и не ела, наверное. Кошке Фросе отдавала. Отец Александр, вы полицию вызывать будете?

– Я сам вызову, а вы уезжайте, – как-то уже очень серьёзно объявил Сергей.

– Не командуй, командир, я и сама не очень-то хочу их видеть. Но можно мы посмотрим, что наверху? А? – Таня смотрела на Сергея.

– Идите, но умоляю, ничего не трогайте.

Сёстры и Неля поднялись на второй этаж. Это была одна огромная спальня, кровать стояла так далеко, что казалась крошечной. Наступая осторожно на ковёр, все трое с любо-

пытством заглянули в ванную комнату.

– Бассейн, вот бы искупаться, – первый раз подала голос Неля.

– Девочка, двадцать лет купаться одной в этом большом корыте – счастье сомнительное, – успокоила её Полина.

– А самое страшное это вот этот шкаф! – перебила их Таня. – Иметь сотню великолепных платьев и ни разу их не надеть! Лучше бы уж в тюрьме сидела.

«Елизавета Аркадьевна, пусть Бог простит вас там, я бы простила. Так наказать себя при жизни, не каждому суждено. В следующей жизни не выходите замуж, за кого попало, чтобы потом хоронить себя заживо, – помолилась Полина, любуясь стильным золочёным будуаром».

Пора было уходить. Таня смахнула слезу, что сильно удивило Полю. Обычно сестра плакала редко, она уже и не помнила она её слёз.

Батюшка отвёз всех в квартиру Клавдии Митрофановны, а сам отправился в храм, готовиться к вечерней службе. Полицию встречал только Сергей, ему же пришлось оставить и чёрную сумку.

В квартире находился только Семён, сладко спавший на кровати. Анжела ушла к себе, поэтому Неля тоже собра-

лась уходить.

– Неличка, возьми конфет и фрукты, раздай детям во дворе, будь добра, – попросила Татьяна.

– Хорошо, тётя Таня, давайте.

– И не рассказывай никому о Елизавете, пусть ей там будет спокойнее, такие муки принять.

– Не буду, вот только мама спросит.

– А ты наври, что дом не нашли.

– Тань, врать же нехорошо, – улыбнулась Полина.

– Хорошо, эта ложь в помощь, во спасение уже поздно.

Девочка ушла, и они остались одни. Не сговариваясь, каждая достала свой телефон.

– Петюня, прости, что вчера не позвонила, заболтались...

– Але, Коленька, ты завтра нас на кладбище не свозишь?

К маме, конечно к маме...

– ...не скучай, я через три дня приеду...

– домой? Потом поговорим, завтра. Поминки прошли,

со стола убираем...

– деньги ещё есть, не надо присылать...

– всё прошло нормально, как обычно. Пока.

– ... целую тебя, пока, родной.

Не говоря больше ни слова, сёстры выкинули все грязные тарелки, стаканы и объедки в мусорный мешок.

Разбудили Семёна, но тот никак не хотел уходить. Всунули ему в руки остатки плова, рыбы и всего, что осталось не тронутым.

– Иди, Семён, накорми жену или кого-то ещё. Нам пора квартиру закрывать.

– Закусочка что надо. Дома у меня полбутылки ещё есть, поминать до ночи можно.

Он ушёл, а на кухне осталась только кастрюля с недопITYтым киселём. Почему-то не хотелось его выливать. Сестры взялись за ручки кастрюли, вынесли её в подъезд, закрыли квартиру и пошли вниз. На душе было тяжело, не хотелось ничего говорить.

– Тётя, а что вы там несёте? – спросила их маленькая светловолосая девчущка, сидящая на лавочке возле подъезда.

– Мы выносим в кастрюле не истраченное счастье, – глубокомысленно ответила Полина.

– А, я думала, что суп для великана, – болтая ногами, безмятежно продолжала разговор девочка.

Сёстры рассмеялись, Таня достала из кармана платья горсть конфет и протянула малышке.

– Ешь, если ты их съешь, то кому-то станет очень хорошо!

– Спасибо, мне уж точно будет хорошо, и ещё моей подруге Светке.

На кладбище свежая могила Елизаветы отличалась от других полным отсутствием венков. Таня объяснила сестре, что по православным законам искусственные цветы на могилу не кладут. Деревянный крест и букет белых хризантем, которые привезли с собой сёстры – это всё, что осталось на земле от несчастной женщины, так особенно распорядившейся своей судьбой. Коля привёз их к обеду, раньше его не отпустили с работы. Он старался ничего не спрашивать, радуясь тому, что его не ругают. Таня попросила его не ждать их, а поехать и пообедать в квартире, где с утра уже было приготовлено мясо и картошка. Понимая, для кого сестра готовит, Полина радовалась потеплению отношений между ними.

«Лучше уж простить, а то не дай Бог, что с нами может произойти, жизнь полна таких неожиданностей. А смогла бы простить я? Не знаю, лучше не проверять, – думала она, стоя у могилы.

Погода продолжала радовать, поэтому сразу после клад-

бища они отправились загорать на озеро.

Плавать в чистой и тёплой воде доставляло Поле такое удовольствие, что она уже начала забывать про все приключения, свалившиеся на них в последние три дня. И на следующей день они наслаждались дарами природы, и ещё два дня, пока посреди пляжной суеты они не заметили фигуру Сергея.

– О, старый знакомый! Каким ветром? – поднялась с пледа Татьяна, заворачиваясь в пляжный платок.

– Здравствуйте, дамы! Вот привёз вам вашу сумку. Можно присесть, только что вернулся из командировки, устал.

– Ты устроился на работу? – спросила Поля.

– Пока только временно. Отец Александр отправил меня искать Клавдию Митрофановну.

– Рассказывай быстрее, не тяни резину, – присела рядом Таня.

– Жива, наша бабуля, жива ещё. Бодренькая такая. Сначала отнекивалась, думала, что я муж Елизаветы. Потом созналась, когда я рассказал, что она умерла.

– Какой муж, тебе сколько лет.

– Сорок девять, а что, плохо выгляжу?

– Наоборот, слишком хорошо. И что дальше?

– Пенсию брать не хотела, говорит, деньги тогда её выручили, сестра сильно болела. А теперь живут на одну пенсию, паспорт так и не получила. Годы были девяностые, всё рушилось, паспорта в глубоких деревнях никто не выдавал. Теперь разбогатеет. Дом тоже на её имя построен, а наследников нет.

– Так что, баба Клава в том доме будет жить?

– А кто знает, у сестры дети есть и внуки, им там хорошо будет.

Сергей снял одежду и побежал купаться. Сёстры остались одни, но смотрели на воду, а может и не на воду, а на загорелого мужчину, уплывающего на середину озера. Таня достала бутерброды, нарезала овощи и, похрустывая огурцом, сказала: – А я рада, что бабушке всё досталось.

Сергей вышел из воды, улыбнулся широкой улыбкой и без приглашения взял бутерброд.

– С вами голодным не останешься. Колю-то простила? Да,

самое интересное не рассказал, про Елизавету. Вы, дамы, в сыщики не годитесь. У вас разгадка под носом лежала, а вы ничего не заметили.

– А мы в сыщики и не собирались. Говори, не издевайся.

– Те газеты, которые были в красном пакете, помните. Так на них портрет был с надписью про опасную преступницу, ограбившую мужа. А было тогда Елизавете сорок четыре года, всего.

– Не может быть, – вскрикнула Поля.

– А сейчас ей шестьдесят четыре, что ли?

– Да, сначала она гримировалась, а потом от одиночества и состарилась раньше времени. Труп не вскрывали, по документам ей восемьдесят пять, родственников нет. Зачем зря резать.

– Ужас! Ещё такая молодая! – расстроилась Поля, – А кто муж, сыщик ты наш?

– Бизнесмен, из тех, кто воровал у всех, чтобы разбогатеть быстро и красиво. Лизонька у него миллион долларов увела, не поморщилась. Гулял он сильно, видимо.

Поля посмотрела на Таню, но она улыбалась.

– Мой бы миллион заработал, так не так обидно было. А то ни мне, ни Людке домов не видать.

Сергей отвёз сестёр на своей машине до квартиры. Зашел попить чаю, сел на кухонный стул и достал из кошелька пяти тысячную купюру.

– Татьяна, Александр просил тебе передать за хлопоты.

– Я не возьму, не хочу я этих денег, ну их. Хотя, давай, я оградку Елизавете сделаю, неужели она и оградки не заслужила.

Сергей ушел, помахав сёстрам с улицы. Через окно они долго смотрели, как уезжает его автомобиль. Полина начала собирать вещи. Из кармана брюк выпал скомканный лист газетной бумаги. Развернув его, она увидела молодую, красивую женщину, с большими грустными глазами.

– Тань, иди сюда, я тебе что-то покажу!

«Что же ты, Елизавета, такая дура была? Такую красоту загубила! Неужели сердце твоё не выдержало или всё-таки ты сама себя убила? Какое море хотела ты увидеть?»

Глава 6. Влада

«Какая-то эта Влада мутная, и улыбочка у неё с лица не сходит, вроде, а глаза отводит. Хотя, выглядит неплохо, умеет за собой следить. Лицо фирмы, тут уж не расслабишься», – обдумывала Полина свою новую знакомую, развешивая на балконе бельё. Прошел уже месяц, как она вернулась из Шаринска, всё реже она вспоминала свои летние приключения. Особенно сейчас, когда Петя уехал выполнять срочный заказ.

– Приеду, начну дом строить, – пообещал он Поле.

Уже три дня она ночевала одна, включив свет в коридоре и на кухне. Может от этого, или от чего другого, но у неё сильно болела голова. Сын, практически не заезжая домой, улетел с друзьями в Америку подработать и отдохнуть на после сессии в университете. Дочь тоже работала, но деньги у неё как-то не задерживались, женщина есть женщина.

Позавчера, выходя из магазина, Поля столкнулась в дверях с невысокой, миловидной русоволосой дамой. Сразу после извините, она начала разговор: – Не желаете послушать лекцию о здоровье сосудов?

– Даже не знаю, скорее всего, нет, – ответила ей ошарашенная Полина.

– Вот вам моя визитка, приходите, не пожалеете.

«Неужели я так плохо выгляжу», – расстроилась Поля, рассматривая визитку незнакомки. На зелёной, лакированной поверхности красовалась надпись: «Золотое здоровье». Именно золотыми буквами, да ещё и с золотым голубем, задорно летящим вверх. Полину сунула визитку в карман пиджака, и тут же о ней забыла. Но вечером голова совсем вышла из-под контроля. Заставляя себя не пить таблеток, по совету всех знающих толк о вреде лекарств, Поля вспомнила и достала визитку из кармана.

«Недалеко, почти рядом с моим домом. Схожу, терять нечего. Эти сетевые продавцы, конечно, доверия не внушают, но бывают же и чудеса, вдруг помогут, – уговорила она саму себя».

После отъезда Петеньки, она твёрдо решила заняться собой. Начать предполагалось со стрижки и маникюра, а уж потом зарядку и лечение. Чуть огорчившись, что стрижка каре не получилось у молодой парикмахерши, она воодушевилась ещё не смытым июльским загаром, да длинной шеей, являющаяся предметом её особой гордости.

На маникюр была очередь. Её подруга Тина, как мастер, пользовалась большим спросом у клиенток, поэтому встреча с ней предстояла только вечером, после восьми. «Женщина,

когда стареет, должна отыскать в себе ту изюминку, которая изрядно засохла, но ещё съедобная, – подбадривала себя Поля, глядя в зеркало».

Вчерашнее посещение офиса «Золотого здоровья», настроило её на приём шести бадов в день и ожидание если не омоложения, то на улучшение качества отображения в зеркале, уж точно. Лекция о чудесных средствах, работающих исключительно на клеточном уровне, ей понравилась. Но с другой стороны, здравый смысл напевал иную песню: «Нет такой пилюли, чтобы помолодеть. В сказках про молодильные яблоки есть, но какой придурок будет эти „яблоки“ за шестьсот рублей продавать?»

Когда, после рассказа о чудесных травах, выращенных на берегах Байкала, Влада развернула большой плакат с этапами роста материального достатка распространителей бадов, на Поля накатила волна сомнений, и ей очень захотелось убежать.

– Если вы, дорогие мои, продадите за месяц всего-то на шесть тысяч продукции «Золотого здоровья», то получите в подарок много наших замечательных кремов. А если на двенадцать, то вас ждёт уже ноутбук или видеокамера. Ну, а если, чего я вам очень желаю, вы будете продавать на шестьдесят тысяч в месяц, то однажды вам подарят этот великолепный Мерседес.

«Шеде-вральный обман! Именно от слова вральный. Кому я должна продать столько травы, чтобы заслужить их подарочек?» – иронично думала Поля, уже не слушая выступающую.

– Вы, я вижу, Полина не верите в себя!

– В себя я верю, но делать деньги на здоровье людей не хочется.

Выражение лица Влады мгновенно изменилось. Злоба промелькнула в глазах, но женщина очень быстро взяла себя в руки.

– Это потому, что вы ещё не верите в лечебные свойства нашей продукции. Вот пропьёте весь курс и увидите, ещё сами захотите всем знакомым продать.

Поля промолчала. Сидя среди группы возбужденных близкой удачей женщин, неудобно было выставлять свои убеждения. За спиной она услышала шепот.

– Зоя, а ты давно Анну видела? Она уже третье занятие пропускает.

– Она и на телефонные звонки не отвечает, странно всё это.

«Больше не приду, – твёрдо решила Полина».

– Вот, Редли, бельё постирано, всё убрано. Схожу, сделаю маникюр и будем ждать тётю Таню. Знаю, знаю, начнёшь выпрашивать у неё всё, давить на жалость. А тебе нельзя ничего кроме мяса и творога, с твоим-то диатезом. Зато ты молодой, тебе бады пить ещё не надо. Не облизывайся, подожди до завтра.

Полина вышла с балкона, плотно закрывая дверь. В отличие от июля, август погодой не баловал. Дождь даже не лил, а гадко моросил, унося с собой остатки лета.

Поразмыслив, Поля надела светлый плащ. «Хотя до салона недалеко, но промокнуть не хочется, тем более голова опять болит сильно». Обуывая туфли, она задержала взгляд на коробочках с бадами, стоящими на кухонном столе.

– Итак, две голубеньких, одну белую и ложечку бальзама после еды. Ещё заварить байкальский чай, чтобы постоял минут десять. Запомнил Редик? А вечером две желтые и одну белую, тоже запомни, – громко разговаривала она с псом, который сидел возле порога и с надеждой посматривал на хозяйку.

– Всё, Редик, всё! Я пошла. Вернусь с красивыми ногтями, тебе покажу, только не скули. Телевизор я тебе включила, смотри на людей, а гулять пойдём уже с маникюром.

Прихватив зонтик, Полина, стараясь как можно грациозней, пройти триста метров до женского салона. Она знала, что никто на неё не смотрит, но ей нравилось, что можно играть в такие игры.

«А может у меня голова болит, потому что я не работаю. Пишут же умные люди, что головная боль от нерешенных проблем. Тогда почему она болит и у тех, кто много работает? Не аргумент, ответ где-то глубже, мало радуемся, много грустим, – промелькнула мысль, пока она раскрывала зонтик».

Смешно и весело идти под дождём с раскрытым зонтиком, но держать спину прямо и знать, что сейчас она услышит добрый голос подруги и вдохнёшь особенный запах женской парикмахерской.

– Здравствуйте, Полина Алексеевна! Как мы рады вас видеть снова! – встретила её администратор салона.

«Везде рады, где нужно деньги платить», – съязвила она про себя, а вслух сказала, – Здравствуйте Лидия Викторовна, Тина у себя?

– Да, конечно. Ждёт вас.

Из кабинета для маникюра вышла улыбающаяся женщина. Вот этой улыбке Поля верила беспрекословно. Даже больше чем своей. Подруга Тина входила в высшую, по классификацию Полины, касту женщин. Муж Тины имел очень

высокую должность в таблице о рангах города, где проживала Поля. При этом никакого высокомерия в поведении Тины не наблюдалось. Она много читала, прекрасно готовила, сама выращивала овощи на даче, умудрялась помогать родителям и играть со всеми четырьмя внуками. Ещё в прошлом году ей исполнилось пятьдесят пять, но она продолжала работать. Она по-настоящему любила свою работу, всех этих женщин, приходящих со своими неприятностями. Её особая энергетика притягивала всех, кто хоть один раз побывал в её руках.

– Ну, рассказывай скорей, как там дети?

– С детьми, тьфу, тьфу, тьфу, всё хорошо. Я у тебя спросить хочу, – начала разговор Поля, отмачивая пальцы в ванночке с мыльной водой.

– Что случилось? Опять Петя приболел?

– Здоров, а вот я не очень.

– Что такое?

– Голова болит, зараза. Я тут даже нашла одну фирму «Золотое здоровье», начала их зелья пить. Как думаешь, стоит к ним на работу устроиться? Продавать надо бады, но мне как-то не по себе.

– Поль, ты, вроде, умная женщина. Сама подумай, сколько стоят травы в аптеке, а сколько у них? Обдирают народ, совести совсем нет. Сиди дома и не дёргайся. Лучше сделай-ка мне куклу для внучки, скоро два годика.

– Сделаю. А бады пить?

– Попей, но смотри. Если хуже будет, сразу бросай. Сходи к невропатологу. А тут одна клиентка у меня напилась каких-то бад, потом откачивали в реанимации. Гипертония, сама знаешь, как может прихватить.

Проболтав ещё час о новой книге и плохой власти, подружки на прощанье посмеялись над концом света и расстались. Полина вышла из салона, любуясь свежим маникюром и временно появившимся заходящим солнцем, забыв про зонтик.

Редик радостно прыгал, встречая единственную хозяйку, но было видно, что он надеялся встретить Петю, которого любил больше всех.

– Надевай ошейник, не умеешь, ха, ничего не умеешь, только хвостом вилять да облизываться, – приговаривала Поля, застёгивая ошейник. Вышли на улицу, но дождь опять начал моросить, превращая траву в мокрый живой ковёр. Этот факт очень раздражал Редли.

– Ладно, сегодня по тропинке не пойдём. Гуляй здесь, на асфальте. Если приспичит, отойдёшь к своему любимому дереву, там не так мокро. Извини дорогой, телефон звонит.

– Леночка, конечно, узнала! Да, можешь прямо сейчас, не поздно, я же совсем одна. Что, из больницы? А, медкомиссию проходила весь день, понятно. Школа на носу, а ты только спохватилась. Приходи, я хоть ужин приготовлю, а то одной есть не интересно. Жду! Редик, у нас будут гости.

Пока Полина болтала с подругой, Редли успел сделать свои дела, оббежав вокруг дерева, запутать поводок и промокнуть. Такая прогулка его не устраивала, и он трясся и поскуливал.

В девять вечера в домофон зазвонил, и хозяйка с радостью нажала на нём кнопку.

– Ну, привет! Не промокла?

– Немного, повесь плащ куда-нибудь, пока я разубаюсь.

Леночке не было и сорока лет, и она почти случайно вошла в жизнь Поли, оставшись там, на долгие годы.

– О, у нас тут праздник!

– Садись, давай, пока не остыло. Мясо по-французски, са-

латик, чего ещё желаете? – радовалась гостье хозяйка.

– А что это у тебя, за стратегические запасы?

– Вот, Леночка, омолаживаюсь. Тебе ещё рано, хотя на твоей работе год за два, так что скоро присоединишься.

– Это, случайно, не «Золотое здоровье»?

– Оно, ты уже в курсе?

– У нас в школе эти Анна Ивановна давно торгует. Дорого очень, не на мою зарплату. Да что-то Аня пропала куда-то. Директор заставил меня её класс мыть. А там четыре окна, представляешь! Звонила ей уже раз пять, трубку не берёт. Домой сходила, не открывает, как в воду канула.

Полина подкладывала подруге на тарелку запеченное мясо, придвинула соус для салата, а потом спросила: – А я уже слышала об этой Анне, кажется.

– Где ты слышала, ты что, её знаешь?

– В «Золотом здоровье» и слышала. Может совпадение, не знаю, вчера тётки в офисе шептались. Ты ешь, в чай бальзамчику подлить? Не бойся, я уже на себе проверила, хуже не стало, – шутила Поля.

Леночка с удовольствием ела Полины угощенья, а хозяйка с сочувствием наблюдала за подругой. «Маленькая Лена, какая же она беззащитная. Столько лет в школе, как она справляется с нынешней детворой? У самой в чём душа держится, а ей двадцать пять „ангелочков“ надо чему-то научить».

– Лен, ты, когда из школы уйдёшь? Сколько можно без денег сидеть, в нашем государстве повышения зарплат можно не ждать, а вам с Толей ещё двоих детей на ноги поставить надо. А давай вместе работу искать. Устроимся в «Золотое здоровье», научимся людям врать.

– Да какие мы с тобой продавцы? У нас же одни убытки будут. Тебе всех жалко, начнёшь сама покупать и бесплатно отдавать.

– Скорее всего, так и будет. А куда податься? Голова болит от этих мыслей. Когда увольнялась из своей конторы, думала, что быстро найду. Теперь только муж и собака, вот и вся работа, – вздохнула Полина, заваривая кофе в турке. – Тебе с сахаром или без?

– С молоком, если можно.

– Можно, а как твой роман по переписке с бывшим одно-

классником?

– Переписываемся. Мне кажется, он пишет, только когда выпьет.

– Они все так, говорят мало, а пьют, чтобы вспомнить длинные предложения. Толик не заметил, в почте не заглядывает? Обидится, если узнает.

– Боюсь, но не хватает чего-то нового, адреналину не хватает, – пожаловалась Леночка.

– Это у тебя возраст такой, стареть не хочешь. Не зря у нас сорок лет не отмечают, как траур. В сорок кажется, что жизнь прошла, и это такая скука.

– Это ты точно сказала, тоска беспросветная.

– Поверь мне, не кончается. Сейчас, после пятидесяти, мне жизнь такие сюрпризы подбрасывает, что и не помню, когда мне так интересно было. Помнишь, когда я заболела, лежала на процедурах и думала, что всё, старуха. Ничего мне уже не надо, лишь бы дети не болели. Если честно, то на работу я не хочу. Мне только нужно найти интерес к жизни, эмоции не терпят простое. Кто-то не очень умный брякнул, что женщины любят только ушами, только слова любви.

Всем она любит, и глазами, и на ощупь, и даже по запаху. Мы же на этих эмоциях, как на топливе живём. Есть подзарядка – жизнь продолжается, нет – всё болеть начинает, особенно душа. Книгу интересную прочитала – мысли забегали, с человеком умным поболтал – счастье, внуки родились – тут тебе и глазами, и руками, и трогай, сколько хочешь, одно сплошное счастье.

Леночка, как всегда в общении с Полиной, больше слушала, чем говорила. И дело было ни в разнице в возрасте, а потребности гармонии общения. Поле не хватало слушателей, а Лене была только рада, что Поля её немного поругивает, настроение её от этого только улучшалось. Философствуя о роли женщины, Поля понимала, что Леночки очень хочется слушать именно эти слова.

– Пойду я. Завтра свой класс сдавать, а если Анна не появится, то послезавтра и за неё отчитываться буду.

Полина закрыла дверь за подругой.

«И что это за Анна Ивановна, такая? Как можно пропасть бесследно? Не могла же она с инопланетянами улететь, смешно. Завтра Таня приедет, а посуда не вымыта. Может, заболела, лежит себе одна в квартире, встать не может? Нужно спросить у Влады, она должна знать, куда её работница исчезла. Сходим с Таней в офис, и прямо в лоб спросим, без

дежурных улыбок, – окончательно решила Поля, убирая чистые тарелки в шкаф».

Она достала пряжу, войлок, все своим приспособления для рукоделия и начала делать куклу для Тининой внучки.

Глава 7. Анна Ивановна

Поднявшись утром, Поля с радостью почувствовала, что голова совсем не болит.

«Действует! Бады действуют! – обрадовалась она. И почему я только плохое всегда ищу, даже там, где его нет. Люди, по большей части хорошие, обманывать не будут, хотя бы за деньги, – успокоила она саму себя».

Редик уже сверлил её несчастным взглядом, но Поля решила, что пока не выпьет бады, не выйдет за порог. День за окном начинался с серого неба, но дождя пока не было. Сбегав на прогулку, Поля включила музыку и приступила к генеральной уборке, посвящённой приеду любимой сестры. На случай сильного волнения, у неё в ноутбуке имелась подборка из ста классических мелодий, в современной обработке. День пролетел незаметно, и, когда Таня позвонила в дверь, Поля даже не удивилась, как она прошла в подъезд, не звоня в домофон, наверняка её кто-то пропустил.

– Что, наслаждаешься одиночеством, привет Поля, – с порога начала сестра.

– Наслаждаюсь, но и боюсь спать без света. Ставь свои сумки и проходи. У тебя сейчас не пост, случайно?

– Уже закончился, не переживай. Нам всё равно кашка, да овощи полезней.

Таня поставила на пол большую сумку и пакет, сняла свой вязаный жакет, туфли и по-хозяйски заглянула в духовку.

– Картошечка и рыба в фольге, неплохо. А это что?

– Тань, только ты сразу не ори, пожалуйста. Это я лечусь, голова болит часто.

– Понятно. Читала хоть состав?

– А зачем, мне всё подробно рассказали.

– Так я и знала. Посмотрим, какие тут травы, некоторые не хуже яда бывают. Зверобой, чистотел, а вот эти я не знаю, у нас такие не растут. А в аптеку сходить и купить не могла? Сколько стоит, хоть?

– Не спрашивай.

– А всё-таки?

– Бады шесть сот, а бальзам восемьсот, ещё чай по сто двадцать рублей.

– Ты с ума сошла? Никогда бы столько за травы не пла-

тила.

Сели ужинать, но Поле не терпелось услышать новости. Оказывается, сестра не приехала раньше, потому что приводила свой огород в порядок, да ещё белила дачный дом. Коле она ещё не до конца простила, вспоминала Людку при каждом удобном случае. Отец Александр уговаривает простить и забыть. Давит на психику, объясняя всё глупостью мужчин, да и слабостью тоже.

– Он даже поведал мне, что у самого были в семье подобные разборки, вот я теперь думаю, кто же из них загулял. Батюшка или матушка? – улыбаясь, рассказывала Таня.

– Да, это интересно, – смеялась Поля, вспоминая породистое лицо батюшки.

Ей стало так спокойно, сидя рядом с сестрой, и болтать о всяких земных делах. Как там сейчас живёт весь мир, в эти минуты её не волновало. Жаль, что продлились они недолго. Зазвонил домашний телефон.

– Але, да Полина, это вы Влада? Что случилось? Завтра зайти? Хорошо, а во сколько? Да, в час дня вас устроит? До свидания.

Она вернулась к столу.

– Влада завтра зовёт в свой офис, акция какая-то до конца

августа.

– Твоя Влада снизит цены на три рубля? – съязвила Таня.

– Да ну их, не пойдём и всё.

– Пойдём, любопытно посмотреть на эту Владу.

Таня отправилась в ванну, а Полина, пока расправляла постель, поймала себя на мысли, что вся это фирма не для неё. «Душа не лежит, хоть ты тресни. Но человеку-то обещала, сходить придется. А сестра изменилась, похорошела как-то. Цвета одежды стали ярче, в глазах искорка горит, значит, вернулась в них вера в то, что нужна и любима».

Следующее утро без дождя не обошлось, пришлось сёстрам менять все планы.

– Сходили в парк, называется, – сожалела Полина. – Теперь ты сиди с Редиком, а я по делам.

– Куда? – заинтересованно спросила Таня.

– Схожу, всё-таки в «Золотое здоровье», раз обещала.

– Я с тобой, хочется посмотреть эту шарашкину контору, – решительно заявила Татьяна, надевая свой коричневый

с бежевыми вставками жакет и туфли, уже на ходу.

Редик порывался выйти вместе с гостьей, но пришлось Та-не придержать его ногой, захлопывая дверь квартиры. Двор встретил их настоящим ливнем, и Поля вспомнила, что оставила свой зонтик в парикмахерской. Она вернулась, прихватив зонтик Пети. Большой и чёрный, он неплохо закрывал сестёр от потоков воды. Держась вдвоём за одну ручку, они побежали, по лужам, не останавливаясь до самых дверей офиса.

За дверями шла размеренная офисная жизнь. Вдоль длинного коридора расположились конторы по строительству, делопроизводству и продаже дверей. Поля, побывавшая здесь только один раз, забыла, куда надо было поворачивать, когда коридор раздвоился. Дойдя до стены, сёстры повернули и вернулись в конец прямого коридора.

– Поль, ты как в лесу в трёх соснах.

– Все двери одинаковые. Пошли теперь туда.

Сёстры, оставляя за собой мокрые следы на полу, двинулись направо.

– Что значит, я виновата?! – услышали они, не дойдя до дверей офиса пару метров.

– Ты сам виноват, в людях совсем не разбираешься!

– Я не разбираюсь?! Да кто вообще всё вот это организо-

вал?! Полмира объездил?

– Причём тут мир и Анна Ивановна?! Из-за этой матроны мы не только разоримся, но ещё и в полицию попадём.

Поля остановилась как вкопанная.

– Таня, я не пойду. Мало нам было в это лето потерянных нервов, что-то больше не хочется.

– А в чём дело? Кто такая Анна Ивановна? Тоже старушка? – шептала Таня, заинтересовавшись ситуацией.

– Не знаю, я её в глаза не видела, хотя уже третий день о ней слышу. Учитель младших классов, подрабатывает в «Золотом здоровье».

– Полина, вы пришли! – неожиданно для себя, услышали сёстры. Хозяйка офиса, широко открыв дверь, стояла в коридоре. Поля вздрогнула, повернулась и тихо сказала: – Здравствуйте, Влада.

Сёстры принуждённо улыбнулись в ответ на улыбку Влады. Вошли в помещение офиса. Внутри он представлял собой разделённое перегородкой помещение. Стойка и полочки с продукцией, находились сразу у входа, а комната для встреч с новыми клиентами во второй. Возле стойки, облокотившись на неё, стоял мужчина в очках, среднего роста,

коротко и аккуратно подстриженный. За стойкой на маленьком стуле сидела заплаканная девушка, лет двадцати.

– Полина, познакомьтесь. Это мой муж Глеб и доченька Дашенька.

Девушка кивнула сёстрам, но потом сразу отвернулась, стирая остатки слёз с бледного лица.

– Вы тоже познакомьтесь, это Татьяна, – представила сестру Поля. – Вы меня вызывали, Влада. Но что-то я не вижу здесь никакой акции.

– А почему золотое? – неожиданно спросила Таня.

Глеб внимательно осмотрел Таню с ног до головы, поправил очки и начал объяснять: – Видите ли, Татьяна, у человека бывает золотое сердце, золотые руки, а почему не может быть золотого здоровья, значит крепкого и надёжного.

– А не потому, что всё так дорого? – не унималась Таня.

Даже Полине стало неловко, но Глеб, видимо не раз слышавший подобные слова, и то сразу не нашел что ответить потенциальной клиентке.

«Думает, как ответить. Похож на умного, даже если снимет очки. Но наглый, бровью не повёл. В торговле без наглости никак, ничего не купят, – рассматривая Глеба, думала Полина. Мужчина, вроде, в расцвете лет, чуть за сорок, выбрит до блеска, но работает с женщинами. Обычно такие

и сами постепенно приобретают женские привычки, потому что, и думать приходится по-женски».

Глеб собрался с мыслями быстро, надел на себя очаровательную улыбку и ответил: – Завод, на котором всё это производится, имеет высшие оценки качества продукции. Нас даже в мире знают, жаль, что пока не во всём. Сертификаты все в полном порядке. Мы вас, Полина, потому и вызвали, что очень бы хотели видеть вас в нашем дружном коллективе.

– Продавать? Нет, я не справлюсь. Я вам не подхожу, как работник.

– И не надо, на здоровье зарабатывать грех, – опять огорошила всех Таня.

Влада уже не улыбалась. Она вышла в соседнюю комнату, но быстро вернулась, держа в руках белую коробочку с золотыми буквами.

– Вы, Татьяна, наверно лечитесь исключительно таблетками, – откровенно иронизировал Глеб.

– Никогда, – гордо парировала Таня. – Только травами, которые сама собирала!

– А наши травы собраны на Байкале.

– А как проверить? – не унималась Таня.

Влада отодвинула мужа, встала прямо перед Полей и протянула ей белую коробочку. Золотой голубь ярко блестел на белой поверхности.

– Полина, вы прошлый раз купили большую партию продукции. Сегодня, этот бальзам достаётся вам бесплатно.

– О, спасибо! А он тоже от головы?

– Он общего действия. Сама его пью перед сном, для успокоения нервов. Ложечка и спишь как ребёнок. Вы не волнуйтесь, продолжайте принимать бады, а потом всё решите.

Таня взяла из рук сестры белую коробочку, щуря глаза, попыталась прочитать состав бальзама. Но без очков у неё это не получилось.

– Бери, да пойдём. Обедать пора. До свиданья, не сердитесь, если что. Сама себя когда-то из могилы подняла, теперь не доверяю бадам этим, – совершенно дружелюбно попрощалась Таня.

– До свидания, – сказала и Поля, – и они вышли из помещения офиса.

– Ох и хитрая, твоя Влада, сразу видно, – шепнула Таня сразу, как за ними захлопнулась дверь.

– Тише ты, людям жить на что-то надо, вот и торгуют. Упаковки красивые, приятно в руках держать. Такое где попало, не сделают.

– У нас ради денег и солнце перекрасят в зелёный цвет, – подытожила Татьяна.

Дождь не унимался, до дому, как и в офис, бежали очень быстро, без всяких разговоров. Когда открыли дверь подъезда, Поля сразу услышала знакомые до боли завывание Редди.

– Воеет, забыла телевизор включить. Ну что с ним делать!

– Жутко всё-таки, собаки воют. Сразу на душе нехорошее предчувствие, – бормотала Таня, поднимаясь на лифте.

– И лифт у вас неприятный.

Поля не стала отвечать, но подумала точно так же.

– Ну что ты развылся, как дурак? – набросилась на пса хозяйка, как только они вошли в квартиру и плотно закрыли обе двери.

– Может, голодный?

– Ага, тарелку мяса съел и голодный. Обнаглел, час один посидеть не может.

Таня, скинув туфли и сбросив плащ в руки сестры, прямоком отправилась на кухню. Полина тоже сильно захотелось попить горячего чаю.

Она достала из сумочки белую коробочку, и прошла за сестрой.

– Кабачки грей, я тоже буду. Давай попробуем бальзамчика, нервы успокоим.

– Ну, давай, с чаем и попробуем, – согласилась сестра, помешивая овощное рагу на сковороде.

– Чем займёмся? – поинтересовалась Поля, с горечью наблюдая, как водяные струи воды стекают по оконному стеклу.

– Поедим, да дочке позвонить надо.

– И мне надо. Мне ещё куклу доделывать, не поможешь?

– С удовольствием, только очки найду.

Сестры съели все овощи, отрезали себе по куску яблоч-

ного пирога, и заварила чай. Когда чай уже дымился в прозрачных чашках, Полина открыла бальзам. Внутри коробочки оказалась коричневая бутылочка, всё с тем же голубем на этикетке. Цвет бальзама тоже был коричневый, а пах он мятой и полынью. Чай стал чуть мутным от ложки бальзама, но вкус так понравился сёстрам, что они подлили ещё немного в свои чашки этого загадочного зелья.

Через пять минут Поля, без всякого повода, включила свой ноутбук и нашла папку с любимыми мелодиями. Включила звук, но ей показалось, что музыка была слишком тихой, и она добавила громкость. Последнее что она помнила, это как сестра плавно махала руками, изображая полёт птицы, а она сама кружилась в вальсе с Редиком на руках. Пёсик просился на пол, но Поля кружила и кружила его, и даже побрасывала иногда.

Когда она очнулась, на часах было уже одиннадцать вечера, к тому же очень болела голова. Поднявшись с дивана, Поля заметила, что она странно одета. На ней было вечернее платье и босоножки на каблуках.

– Тань, ты где? Я как-то странно уснула, ни черта не помню.

Но Таня не отвечал. Полина встала, но её ноги тут же подогнулись. Пришлось снять босоножки. В спальне никого не было, но в детской, на кровати сына лежала Татьяна, одетая в летний желтый костюм Полины и сланцы. Она не ше-

велилась, уткнувшись лицом в подушку. Редик радостно вилял хвостом, пытаясь лизнуть гостью, но знал, что на кровать ему запрыгивать нельзя.

– Тань, ты чего? Проснись.

Полина включила свет в детской. На полу валялись игрушки сына, лежавшие уже несколько лет на верхней полке шкафа. Среди игрушек можно было увидеть несколько платьев, туфли и даже косметику, с которой тут же принялся играть Редди.

Глава 8. Догадки

– Редик, отдай, кто тебе разрешил брать мои тени? – нарочно, очень громко выкрикнула Поля.

Пробираясь на цыпочках между разбросанными вещами, она медленно приближалась к кровати, на которой лежала Татьяна. Присев на край, Полина прислушалась к дыханию сестры. «Вроде бы она дышит, но почему вообще тут спит в таком виде?»

Поля осторожно перевернула Таню лицом вверх. Та, немного всхрапнув, пробормотала: – Полька, отдай мне мишку, у тебя и так больше чем у меня игрушек.

Но даже не это бормотание удивило Полю, а само лицо. Таня почти никогда не пользовалась косметикой, а сейчас, голубые тени и тушь украшали её веки и ресницы. Но ярче всего выделялись губы.

«Ого, это мы что тут делали? В парикмахерскую играли? Помаду эту я сама пару раз использовала, только по праздникам. Слишком яркая, для повседневной покраски. И как она одета! Ничего не помню, – удивилась Поля и закричала».

– Тань, да проснись же, я тебе говорю!

– А, что случилось?! – вскочила Татьяна, машинально задев свои губы. – Поль, это кровь? Что происходит?

– Сама не знаю, похоже, мы с тобой повеселились от души. Таня села на край кровати. Редик усиленно подставлял ей свою голову под руку, успевая её лизнуть.

– Уйди, Ред, я ещё не проснулась. Тебе что, гулять надо?

– Точно, мы его днём не выгуляли. Я пошла.

Полина вышла в коридор, наклонилась, доставая туфли с полочки, выпрямилась и крикнула: – Ёжкин кот, мама родная!

Таня уже неслась из детской, увидела смеющуюся сестру, смотрящую в зеркало, подошла и тоже громко рассеялась.

– Тань, а я-то красавица, как тринадцатилетняя девочка, укравшая у мамы косметику и платье. А подводка! Прямо Клеопатра! – сквозь смех, говорила Поля.

Пришлось умыться и переодеться в джинсы и свитер. Поёживаясь, Поля вышла во двор дома. И, хотя было не так темно, как зимой, но в конце лета после одиннадцати одна гулять Поля не любила. Пустынным двор назвать было никак нельзя. Четверо мужчин доигрывали партию в карты под фонарём, изрядно выпившие, они прекрасно манипулировали

нецензурной лексикой. Соседка по площадке, бабушка Галя, выгуливала своего старого спаниеля.

– Полина, у вас гости? – как-то ехидно спросила бабушка.

– Да, Галина Михайловна, сестра приехала.

– То-то я слышу, музыка орёт на весь подъезд. Днём собака выла, потом музыка орала, вы что делали такое?

Полине стало неловко, тем более она и сама точно не знала. Хоть убей, она помнила только, как включила на ноутбуке папку с названием «Для души», а дальше ничего.

«Неужели все сто мелодий соседи прослушали? Позорище. Получается, сознание нет, а сам ты есть. Танцуешь, поёшь, красишься, не помня себя? Роботы мы, так и знала! А где тогда сознание? Куда оно прячется?»

– Полина, вы домой-то идёте, поздно уже, – оторвала Полю от мыслей баба Галя.

– Да, да иду Галина Михайловна. Редик, по-моему, всё уже исполнил, о чём мечтал.

Поднимаясь на лифте, Баба Галя что-то рассказывала Поле, но та не слушала. Хотелось скорей домой и обсудить

с сестрой всё произошедшее. Таня открыла дверь, на всякий случай, спросив: – Кто там?

– Свои, – улыбнулась Поля.

– А бальзамчик-то не простой. По чайной ложечке и ты, как ребёнок! Ты хоть что-нибудь помнишь?

– Нет, как чаю выпила, больше ничего.

Полина прибрала одежду и игрушки, нашла под кроватью сына мягкого медвежонка Винни Пуха, с которым он так любил спать в детстве. Голова болела, и ей захотелось достать аптечку и выпить таблетку Пенталгина.

– Тань, я не могу без таблеток. Я выпью, хоть что мне говори.

– А бальзамчику?

– Хватит издеваться, хорошо хоть, что живы остались.

Сёстры решили доделать куклу. Поля прикрепляла к игрушечной голове волосы из пряжи, а Таня взялась вязать платье и башмаки.

– Тань, соседка жаловалась, что музыка орала три часа и так сильно, что было слышно на первом этаже. А мы спали,

ничего не слышали.

– Я и говорю, что Влада твоя, та ещё ведьма. Не думаю, что она не знала, что с нами будет. Я этикетку перечитала, там, вроде, ничего странного нет. Пустырник, мята, боярышник – всё полезное, сам Бог велел пить, – рассуждала Таня, ловко орудуя спицами.

К двум часам ночи кукла была полностью готова. Её усадили на спинку дивана и пошли спать. В спальне, укрывшись одеялами, они долго ещё не могли уснуть.

– Тань, у нас с тобой в детстве одна игрушка на двоих была, мама считала, что ни к чему тратиться на куклы. Я, когда их делаю, то сама вроде играю. Неужели мы сегодня в детство впали и оторвались по полной?

– Я бы много отдала, чтобы на это посмотреть. Всё никак тебе не расскажу про Елизаветин дом. Анжела всё-таки заставила Нелю раскрыть тайну старушки. Теперь весь Шаринск бегают ко мне с расспросами. Я забываю, кому что вру. Легенды складывают, однажды даже услышала на рынке, что бабулька под домом трупы прятала. Сказочники, ей Богу, только без ума.

– А дом не продали ещё?

– Нет, да ещё не меньше года разбираться будут, что кому принадлежит. Спи, третий час уже. Луна прямо в глаза светит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.